
ЗОЛОТАЯ
ЯБЛОНЬКА

Золотая яблонька

БЕЛОРУССКИЕ СКАЗКИ

ПКФ «Акцент»
Москва 1992 г

ISBN 5-85147-001-1

ДЕТСКИЙ АЛЬМАНАХ № 3

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

ОТЦОВ ДАР

Жил себе на свете хороший человек. Было у него три сына — двое умных, а третий — Иван-простофиля. Умные поженились, семьями обзавелись, а Иван все на печи лежит да на жалейке[1] играет.

Пришла пора отцу помирать. Собрал он сыновей и говорит им:

— Сыны мои родные, сыны мои милые! Богатства большого я вам не оставляю, но уважьте одну мою просьбу: когда я помру, приходите ко мне на могилу ночевать три ночи подряд. Первую ночь — старший, вторую — средний, а третью — младший. А когда придете, то скажите: «Желтый песок, рассыпайся, сосновый гроб, открывайся, отец, из могилы подымайся!» Вот и все.

Сказал сыновьям это, сложил руки и умер.

Схоронили сыновья отца. Ну, надо идти старшему ночевать на могилу. А ему боязно, да и жена не пускает: «Куда ты пойдешь, еще пропадешь там! Что я одна тогда делать буду?»

А нехорошо не выполнить отцову просьбу.

— Пошли вместо себя Ивана, — советует жена. — Коли с ним что и случится, то никто и жалеть не станет.

Просит старший Ивана:

— Сходи, братец, за меня на отцову могилу...

---

[1] Жалейка — дудочка, сопилка из ивовой коры.

А Иван, лежа на печи, отвечает:

— Что я дурак, ходить за других? Придет мой черед, тогда и пойду.

Брат чуть не плачет:

— Сходи уж, Иванка! Видишь, жена меня не пускает.

И уговорил его.

— Ну ладно, — согласился Иван, — ты только скажи жене, чтоб сшила торбу побольше да положила в нее два каравая хлеба. Там я хоть вволю наемся, а то дома ваши жены мне есть не дают.

Сшила жена старшего брата большую торбу и положила туда два каравая хлеба. Взял Иван торбу и пошел к отцу на могилу.

Пришел и сказал, как отец учил:

— Желтый песок, рассыпайся, сосновый гроб, открывайся, отец, из могилы подымайся!

Все так и вышло. Поднялся отец, поглядел на Ивана и говорит:

— А где ж мой старший сын?

— Он, видишь, боится тебя, вот меня и послал. — Отвечает Иванка, уплетая краюху хлеба.

— Ну что ж, — вздохнул отец, — тогда его доля будет тебе. Слушай меня, сынок: на зеленых лугах, на шелковых травах-муравах сивый конь пасется, с золотою гривой. Днем он пасется, а ночью гуляет, а как крикнет добрый молодец — вмиг к нему подбегает. Коль он нужен будет тебе — ты крикни-свистни громким голосом, и конь станет перед тобой, как лист перед травой. А как натешишься им, пусти его опять на зеленые луга, на шелковые муравы.

Сказал так отец, лег опять в гроб — могила вслед и закрылась.

Отошел Иван от могилы, крикнул-свистнул громким голосом — прибегает к нему конь сивой масти с золотою гривой.

Стукнул конь копытами:

— Чего звал, Иван Иванович?

— Хочу на тебе прокатиться.

— Это можно.

Вскочил Иван на коня и полетел. Весь свет три раза облетел, земли не касаясь. Примчался назад.

— Хватит, — говорит он коню, — натешился я! А теперь беги на зеленые луга, на шелковые муравы. Днем пасись, ночью гуляй, а как крикну — ко мне прибегай!

Пустил он коня, а сам торбу на плечи и домой воротился.

Забрался на печь, ноги на перекладину поставил и играет себе на жалейке. Умные братья дивуются: «Ишь ты, ничего с ним не сталось!»

Пришла вторая ночь — надо среднему сыну к отцу на могилу собираться. Начал он Ивана упрашивать:

— Сходи-ка ты, братец, за меня...

— Да что я — нанятой вам! — злится Иван. — Тебе надо, ты и ступай!

А тут невестка с плачем пристала к нему:

— Сделай, Иванка, милость: сходи за брата на отцову могилу!

— Ну ладно, — согласился Иван. — Давайте два каравая хлеба!

Приготовили ему торбу, он и пошел.

Пришел на могилу, сказал, что следует. Отец поднялся и опять удивляется:

— Почему ж это средний сын не пришел меня навестить?

— Он боится тебя, — говорит Иван, — вот и не пришел.

— Ну что ж, — вздохнул отец, — тогда и его доля будет тебе. Слушай меня, сынок: есть на тех же зеленых лугах, на шелковых муравах еще один конь — гнедой масти. Он тоже будет тебе служить.

Облетел Иван дважды свет на коне гнедой масти и домой воротился.

На третью ночь настал его черед. Пошел он к отцу на могилу. Поднялся отец и говорит:

— Жалко мне тебя, сынок: ты все один ко мне ходишь... Ну, так пускай же и третий конь служит тебе. А пасется он на тех же зеленых лугах, на шелковых муравах, и масти он буланой. А теперь больше ко мне не ходи.

Сказал это отец, лег в гроб, а могила за ним и закрылась.

Облетел Иван один раз свет на коне буланой масти. Потом домой воротился, лег на печь и играет себе на жалейке.

— Ну и ну, — удивляются умные братья, — наш дурень-то нигде не пропадет! Уж теперь мы ему хлеба по два каравая давать не будем — хватит с него и затирки!

Тем временем зачудила в том царстве от нечего делать царская дочь: забралась на третий ярус в тереме, села у окошка и объявила, что, кто, дескать, к ней на коне доскачет,

за того она и замуж выйдет. Вот все, кому хотелось взять себе в жены царскую дочь, и кинулись в столицу. А другие пошли да поехали на то диво глядеть.

Умные братья говорят:

— Давай-ка и мы поедем поглядим.

Стали они собираться. А Иван просит братьев:

— Возьмите и меня с собой. Мне тоже охота на диво поглядеть.

— Да куда уж тебе ехать? — смеются братья. — Там и без таких дураков, как ты, обойдется. А коли надоело лежать на печи, то дадим мы тебе работу.

Взяли они две мерки мака да две мерки песка, смешали в одну кучу и говорят:

— Пока мы вернемся, чтоб ты все это перебрал: мак отдельно, а песок отдельно.

Пригорюнился Иван, да что поделаешь. Высыпал мак вместе с песком в торбу, лег на печи и лежит. А торбу на припечек положил, пускай, мол, сохнет.

Прошел день, прошел другой, слез Иван с печки, пересыпал мак с песком в лубяное лукошко, торбой прикрыл да и пошел со своим добром за дремучий лес, в чистое поле. Свистнул-крикнул громким голосом — прибегают к нему все три коня: сивой масти, гнедой масти, буланой масти.

— Что нам скажешь, хозяин?

— Кони мои добрые, кони мои милые: прошел слух, будто в царской столице дива дивные творятся. Зачудила младшая царская дочка, взобралась на третий ярус в тереме, села у окошка и объявила, что кто к ней на коне доскачет, за того, мол, и замуж она пойдет. А не могли бы вы меня туда домчать, чтобы мне поглядеть на то диво?

— Можно, — отвечает конь сивой масти. — Но поедешь ты нынче на самом из нас молодом, на буланом.

Вышел буланый конь наперед, махнул гривой и говорит:

— Влезай, Иван, мне в правое ухо, а в левое вылезай.

Влез Иван буланому коню в правое ухо, а в левое вылез и стал таким молодцом, что ни царевичу, ни королевичу не сравняться.

Сел он на коня. Стукнул конь копытами и полетел.

Долго летел он или коротко, глядь — а вот и столица. И все там уже собрались на диво поглядеть. И братья Ивановы сбоку стоят, рты пораскрывали.

Тут буланый конь как скакнул с разгону, так, может, всего на локоть и не допрыгнул до царевны. Опустился он на землю

за теремом и вихрем помчался дальше. Был и нету! Все так и ахнули, и царевна ахнула: «Ловите его, ловите!» Да где там!..

Примчался конь на старое место. Иван влез ему в левое ухо, а в правое вылез, стал таким, как прежде, и говорит:

— Спасибо тебе, конь мой добрый! Посмотрел и я на царевну. А теперь помоги мне сделать еще одну работу: перебрать две мерки мака да две мерки песка...

Конь говорит:

— Разорви торбу на две подстилки да высыпь из лукошка свой мак.

Иван так и сделал. Как дунул конь ноздрями, мак и оказался на одной подстилке, а песок на другой.

Свернул Иван подстилки, поблагодарил коня и пошел домой. А в лукошко набрал по дороге грибов.

Дома невестки напустились на него:

— Где ты, дурень, ходишь? А ты мак перебрал? Достанется тебе от братьев, как вернутся!

— Да ну вас! — говорит Иван. — И мак перебрал да еще грибов принес. А вы все говорите, что я ничего, мол, не делаю.

Приезжают вскорости из столицы и умные братья.

— Что там было, что там творилось! — рассказывают они женам. — А никто и до второго яруса не мог подняться. Только один какой-то царевич на коне буланой масти чуть было до царевны не доскочил. Ему бы еще с локоть выше... Эх, жаль! А такой был красивый царевич, что даже сама царевна ахнула и закричала: «Ловите его, ловите!» Да где там!

Лежит Иван на печи, усмехается:

— А не я ли то был?

Братья зашикали на него:

— Молчал бы ты лучше, дурень!

А вскоре царевна опять объявляет, чтоб все съезжались в столицу. А сама села уже у окошка четвертого яруса.

Собрались ехать и умные братья.

— Возьмите и меня с собой, — просит Иван.

— Ах ты такой-сякой дурень! Да разве дома работы нету? Вот зададим мы тебе работу.

Взяли братья три мерки песка да три мерки мака, смешали все вместе и велели Ивану перебрать, пока они вернутся.

Подождал Иван день-другой, высыпал мак с песком в лукошко, взял две подстилки и пошел за дремучие леса, на

зеленые луга. Свистнул-крикнул там громким голосом — прибегают к нему добрые кони.

— Ты чего, хозяин, нас звал?

— Да так, мол, и так, — говорит Иван, — опять объявила царевна, чтоб все съезжались в столицу. Нельзя ли мне поехать на то диво поглядеть?

Сивый конь отвечает:

— Ладно. Но теперь ты поедешь на гнедом.

Ну, сделал Иван все, что надо, сел молодец-молодцом на гнедого коня и полетел в столицу. Все ехали туда по месяцу, по два, он за какой-нибудь час домчался. И поспел вовремя. Гнедой конь как скакнул, только на пол-локтя до царевны не допрыгнул...

Одолело царевну любопытство: кто ж это такой храбрый царевич, что и во второй раз чуть было не допрыгнул до нее? Вот спустя некоторое время объявляет она в третий раз, а сама взобралась на пятый ярус. И теперь съехались туда снова все цари и царевичи, короли да королевичи, все паны и дворяне. Поехали и умные братья, задав Ивану работу: по четыре мерки мака с песком перебрать.

Вылежался Иван на печи, взял мак с песком и пошел к своим коням.

— А нельзя ли мне будет еще разок съездить в столицу? — говорит он коням.

— Можно-то можно, — отвечает сивый конь. — Да теперь ты поедешь на мне на самом. Ежели я не допрыгну до царевны, то больше и говорить об этом не будем.

Сделал Иван все, что надо, сел на коня, свистнул и полетел в столицу. И часу не прошло, а он уж там очутился.

— Ну, держись! — крикнул сивый конь.

Заржал сивый конь на всю столицу, взвился ввысь и доскочил до самой царевны. А царевна — стук-стук! — и поставила Ивану две свои печатки: одну на лбу, другую — на затылке. Опустился конь на землю и умчался прочь. Все кричат: «Лови, лови!» А ловить-то и некого: только был, а уж и след простыл...

Примчался Иван назад, попросил коня, чтобы мак перебрал, и пустил его на зеленые луга, на шелковые травы-муравы. А сам надвинул шапку на самые уши, чтоб печаток не было видно, да и пошел домой. По дороге опять набрал лукошко грибов.

Приехали братья, стали женам про диво рассказывать.

2. Зак. 2238

— Что там было, что там творилось! Все скакали, но и до второго яруса не доскакали, а один царевич — такой красивый, весь в золоте, так скакнул, так до самой царевны доскочил, а она ему печатки свои на лоб и на затылок поставила.

Иван слушает это на печи да смеется:

— А не я ль это был?

— Молчи, дурень! — зашикали на него братья. — Не с твоим умом и ловкостью сделать такое! Перебрал хоть мак?

— Перебрал, — отвечает Иван, — ну вас с вашим маком! Одна возня с ним да и только.

Посмотрели братья, удивляются:

— Видно, пришлось тебе поработать! — говорят.

А тем временем царевна объявила, чтоб явился к ней жених. Сперва позвала к себе всех царевичей да королевичей. Посмотрела — нет жениха! Тогда позвала она панов да купцов. То же самое — нету! Подошел черед и остальным — мужикам и батракам. Всех велела собрать.

— Ну — говорит Иван, — прежде я просил, чтоб вы меня взяли, я теперь пойду и без вас!

Взял он свою жалейку, торбу за плечи закинул и пошел за дремучие леса, в чистое поле. Крикнул-свистнул там громким голосом — прибегают к нему все три коня.

— Кони мои дорогие, — говорит Иван, — велела царевна явиться к ней всем мужикам и батракам. А нельзя ли и мне к ней поехать?

Сивый конь отвечает:

— Теперь ты снова поедешь на самом из нас молодом. И поезжай таким, как ты есть...

А буланому коню дает наказ:

— Отвези его, братец, в баню, что стоит возле царского дворца, и оставь его там. А ты, — говорит Ивану, — заберись в баню на полок и играй на жалейке. Тебя найдут, когда надо будет.

Мигом помчал его конь буланый до столицы. Вошел Иван в баню, взобрался на полок и играет себе на жалейке.

А тем временем царевна со служанкою всех мужиков да батраков оглядела — нет жениха! Вдруг слышит: в бане кто-то на жалейке играет, да так хорошо, что слушать любо.

Пошли туда, открыли, видят — лежит на полке парень, ободранный, весь в лохмотьях, шапка на лоб надвинута... И на жалейке играет, да так, что ноги сами в пляс идут. Подо-

шла к нему царевна, сняла подранную шапку, глядь, а на лбу — ее печатка!

Посмотрела на затылок — и там ее печатка!

— Ну — говорит она Ивану, — так это ты мой жених! Пойдем к отцу.

Взяла она его за руку и ведет, а Иван упирается:

— Куда я пойду? Чтобы там надо мной посмеялись?

Царевна привела его кое-как в хоромы. А отец как увидел, начал ее укорять:

— И кого же ты в мужья себе выбрала?!

Дочка говорит:

— Да на нем ведь мои печатки, значит, он мой суженый. Такова моя доля. Ничего не поделаешь...

Хочешь не хочешь — пришлось свадьбу справлять. И сделался Иван царским зятем.

А было у того царя еще два зятя, что были женаты на старших дочках. Ну, те, понятно, из князей да королей были. Вот собрал однажды царь своих богатых зятьев и говорит:

— Я уже стар, и смерть моя не за горами. Кому же из вас царство передать?

— Мне! — говорит один зять.

— Нет, мне! — говорит другой.

И так заспорили они, что дело чуть до драки не дошло. Царь и говорит:

— Вот что, зятья мои любезные: есть в некотором царстве, в некотором государстве свинка-золотая щетинка, рылом пашет, ногами боронует, а вслед за ней пироги растут, да такие, что и самому царю есть впору. Кто из вас добудет ту свинку и приведет ко мне во дворец, тому все царство отпишу!

Тут зятья не долго думая взяли по полку солдат и двинулись с музыкой искать свинку-золотую щетинку.

Говорит младшая царская дочь своему мужу Ивану:

— Твои свояки вон куда поехали — искать свинку-золотую щетинку, а ты что себе думаешь? Им отец все царство отпишет, а мы как жить будем?

— Никуда я не пойду! — отвечает Иван. — Выдумали бог знает какую свинку! Где ее найдешь?

Заплакала жена, а Иван взял свою жалейку и заиграл.

Прошло так с месяц или больше, Иван и говорит жене:

— Сходи-ка ты к отцу, выпроси у него какую-нибудь завалящую лошаденку: поеду и я свинку искать.

— Дурень ты, — говорит жена, — свояки уже, пожалуй, ее нашли и домой едут, а ты только теперь надумал ехать!

— Ну и пусть! Сходи к отцу. А коли не даст, то я и пешком пойду.

Пошла жена к отцу.

— Батюшка, — говорит, — просит мой Иван хоть какую-нибудь завалящую лошаденку — задумал и он за свинкой ехать.

Царь посмеялся, а лошаденку дал.

Собрался Иван, сел на клячу задом наперед и погоняет.

— Смотрите, — удивляются царские слуги, — дурак-то наш по-дурацки и едет!

Выехал он за город и бросил свою клячу волкам на поживу.

А сам как крикнет, как свистнет — прибегают к нему все три коня: сивый, гнедой да буланый.

— Что скажешь нам, хозяин?

— Ах, кони мои добрые! — говорит Иван. — Есть в некотором царстве, в некотором государстве свинка-золотая щетинка, рылом пашет, ногами боронует, а вслед за ней пироги растут, да такие, что и самому царю есть впору! Не сможем ли мы достать ее?

— Сможем! — отвечает сивый конь. — Ты поедешь за свинкой на самом из нас молодом. Но надо вам захватить с собой шелковый шнурок да кожаную плетку.

— А где мне их взять? — спрашивает Иван.

— Погоди маленько.

Взвился сивый конь и полетел на зеленые луга. Через минуту прилетает с кожаною плеткой и шелковым шнурком.

— Вот тебе все, что надо. Только смотри — бей свинку этою плеткой покрепче, пока она не сдастся, а ты, буланый, топчи ее копытами.

Влез Иван буланому коню в правое ухо, в левое вылез и стал добрым молодцем, сел — только его и видели.

Долго ли, коротко они летели, прилетели в то царство, где жила свинка-золотая щетинка. Смотрит Иван, а та и вправду рылом пашет, ногами боронует... Подкрался он к свинке и давай ее плеткой хлестать. Конь копытами бьет, а он плеткою лупит. Свинка терпела-терпела, да и силы не стало.

— Ах, заморский царевич Иван Иванович, за что ты меня убиваешь?

— Сдавайся, — кричит Иван, — не то не выпущу тебя живой!

И бил ее до тех пор, пока свинка не сдалась. Накинул тогда Иван ей на шею шелковый шнурок, сел на буланого коня и поехал, а свинка сзади бежит.

Едет он так, едет, глядь — идут навстречу два полка солдат, музыка играет. «Ну, — думает Иван, — это, пожалуй, мои свояки еще за свинкой едут». Влез он буланому коню в левое ухо, а в правое вылез и стал таким, как прежде. Коня отпустил, а свинку привязал шнурком к дубу. Ну, свинка та и давай своей работой заниматься: рылом пашет, ногами боронует...

Разложил Иван в дубняке костер, греется и на жалейке играет.

Подъезжают свояки ближе, смотрят — из дубняка вьется дымок.

Говорят они своим слугам:

— Ступайте поглядите, кто это там дымит.

Слуги пошли, обо всем разведали. Прикурили от огонька и назад воротились.

— Ну, что там? — спрашивают свояки.

— Да это наш дурачок дымит там. Он уже и свинку ведет.

— Не может этого быть! — удивляются свояки. — Мы сами пойдем посмотрим. А ежели что, то выпросим у него свинку, а то и отберем.

Приходят они в дубняк, видят — и правда: сидит Иван у костра, на жалейке играет, а свинка у дуба своей работой занимается.

— Здравствуй, свояк!

— Здравствуйте!

— Так это ты прежде нас свинку добыл?

— Я одну только добыл, — отвечает Иван, — а там их целое стадо: хватит и вам.

— Что ты врешь, свояк! Такая только одна и есть на свете. Отдай ты нам эту свинку.

А Иван на своем:

— Моя свинка, — говорит, — я сам и отведу ее тестю.

А свояки как пристали к нему — никак не отвяжутся. «Мы тебе, — говорят, — дадим и то и се...» Надоело Ивану их слушать.

— Да ну вас, — говорит, — если отрежете по пальцу-мизинцу с правой ноги, то забирайте ее себе.

Подумали свояки и согласились: что ж, мизинец стоит полцарства! Отрезали они пальцы, забрали свинку-золотую щетинку и веселые повели ее в столицу.

А Иван спрятал пальцы в свою торбу, погрелся еще немного у огонька, потом кликнул буланого коня, сел на него и помчался.

Свояки ехали, видимо, с месяц, а Иван за день управился. Подъехал он к городу, пустил буланого на зеленые луга, а сам пошел к жене.

Увидела его жена без ничего, всплеснула руками:

— Куда же ты девал отцову лошаденку?

— Да знаешь, — говорит Иван, — плохонькая попалась кобылка, притомилась в дороге... Ну я и бросил ее, а сам пеший вернулся.

Жена в плач:

— Ой, горюшко мне с тобой — выпросила я у батюшки кобылку, а ты загубил ее да и свинки не привел...

Вот спустя некоторое время вернулись и свояки со свинкою. Привязали ее на дворе возле царских хором. И начала свинка чудеса вытворять: рылом пашет, ногами боронует, за ней готовые пироги растут...

Сколько тут радости было и своякам и царю! Созвал царь гостей — панов и князей — на диво то поглядеть. Ведь ни у одного из царей не бывало еще такой свинки!

Разъехались гости, а свояки пошли просить тестя, чтобы царство им отписал.

Царь подумал и говорит:

— Нет, за одну только свинку я царство не отпишу. Есть в некотором царстве, в ином государстве чудо-кобылица — из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит. Пасется она на зеленых лугах, на шелковых муравах. И стерегут ее двенадцать коней с золотыми гривами. Если вы ту кобылицу заодно с конями поймаете да ко мне приведете, то отпишу вам царство тогда.

Просчитались свояки — ничего не поделаешь: надо ехать искать кобылицу!

Набрали они войска еще больше и поехали.

Опять пристает жена к Ивану:

— Вон свояки твои за кобылицею поехали, а ты дома сидишь! Отец им все царство отпишет, а мы как жить будем?

— Э-э, — говорит Иван, — и куда мне ехать? Что у меня войско свое или что? Как-нибудь проживем и без царства!

Прошло некоторое время, опять просит Иван жену:

— Сходи-ка ты к отцу: а не даст ли он мне еще одну лошаденку? Поеду и я за свояками.

— И что ты, дурень, мелешь? Свояки-то, пожалуй, назад уже возвращаются с кобылицей, а ты еще только собираешься.

— А коли возвращаются, то и я с ними вернусь. Невелика беда!

— Мне совестно перед отцом, — говорит жена: — опять задаром лошаденку загубишь. Что я тогда скажу ему?

— Загублю, так загублю. Твой отец от того не обеднеет.

Пошла она к отцу и выпросила еще лошаденку. Сел Иван на клячу, отъехал немного от города и бросил волкам на поживу. А сам крикнул-свистнул, и стали перед ним его добрые кони. Рассказал Иван коням про чудесную кобылицу.

— Так это же наша мать! — говорит сивый конь. — Но там теперь не двенадцать караульщиков возле нее, а девять, ведь мы тебе служим. Трудную задачу ты нам задал, хозяин. Но попробуем тебе помочь. Ступай к своему тестю да выпроси у него дедов безмен.

Вернулся Иван в хоромы, выпросил у царя дедов безмен на двенадцать пудов. Взял его в руки и размахивает им, как тростинкой. Удивляется царь:

— Дурень, а силен! Ишь ты!

Пришел Иван к своим коням.

— Теперь, — говорит сивый конь, — я сам поеду с тобой. А ты смотри, как сядешь на кобылицу, то бей ее безменом промеж ушей, и бей до тех пор, пока она не остановится. А я тем временем буду возле нее летать и просить: «Матушка, лучше сдавайся, а то мой хозяин больно злой: забьет тебя безменом...»

Ну, так все и случилось, как сказал сивый конь.

Изловчился Иван, сел на кобылицу, и та понесла его под самые небеса... Носила, носила — не падает Иван: сидит на спине, будто врос, да двенадцатипудовым безменом бьет ее промеж ушей.

Заморилась кобылица и говорит:

— Тридцать три года живу я на свете, а еще никто на мне не езживал. Ты кто таков?

— Это, матушка, наш хозяин, — говорит за Ивана сивый конь. — Сдавайся, а то он больно сердитый: забьет тебя.

— Ну что ж, — вздохнула кобылица, — ходила я на воле, а теперь придется ходить подневольною. Погоди, Иван Иванович, перестань меня бить.

— Вот так бы давно и сказала, а то у меня рука уже заболела тебя дубасить, — говорит Иван.

Едет Иван на кобылице в свое царство, а за нею девять коней да десятый сивый конь Ивана.

Едет он, видит — навстречу войско валит, музыка играет. «Это, наверно, мои свояки», — думает Иван.

Отпустил он своего сивого коня на зеленые луга, развел костер, греется себе и на жалейке играет.

Заметили свояки дымок. Посылают слуг узнать, кто там дымит. Пошли слуги, все разглядели, прикурили от огонька и назад воротились.

— Ну, кто там? — спрашивают свояки.

— Да это наш дурень ведет кобылицу, и рядом с ней девять коней с золотыми гривами.

— Как девять? А тесть ведь сказал двенадцать!

— Нет, только девять.

— Тогда мы сами пойдем посмотрим.

Приходят:

— Здорово, свояк!

— Здравствуйте!

— Что, кобылицу ведешь?

— Ага, там их много пасется. Я взял себе только одну и девять коней впридачу.

Свояки переглянулись, покачали головами:

— Будет тебе, свячок, над нами смеяться! Ведь это кобылица, про которую отец говорил.

— Да нет, это не та, — не соглашается Иван. — Ваша вам осталась. Я чужих не беру.

— Хоть бы и так, — говорят свояки, — да ты нам эту вот уступи. Мы тебе что хочешь дадим.

И начали они просить. Что делать? Согласился Иван и говорит:

— Ладно, берите, да только отрежьте мне за нее по пальцу-мизинцу с правой руки.

Жаль было своякам пальцев, но Иван твердо стоит на своем. Посоветовались между собой свояки.

— Что ж, — говорят, — доктора у нас свои, лекарства свои — враз все заживет: отрежем по пальцу!

Вернулся Иван домой, как и в первый раз, ни с чем.

— Скажи хоть, куда ты отцову лошаденку девал? — спрашивает жена.

— Как куда? Околела! Что ж ты думаешь: сам ехал да еще какой безменище вез...

Спустя некоторое время приводят свояки ту кобылицу. Так рады, что и не рассказать: понятно, царство теперь-то им достанется!

Уж тут приходится царю бумагу писать — царство зятьям передавать.

— Нет, — говорит царь, — я передумал. Вы не все еще сделали. Есть в некотором царстве, в ином государстве, за синими морями, за высокими горами лев. Сидит он у колодца, двенадцатью цепями прикованный. И носят ему двенадцать человек воду из колодца: лев всю ее выпивает и все болезни у людей и у скота в себя забирает. Ежели вы мне этого льва добудете и приведете в наше царство — тогда все ваше будет!

Подумали свояки: «Может, дурень и этого льва добудет, а мы уж как-нибудь у него выманим».

— Хорошо, — говорят, — приведем льва!

Собрались и поехали. А жена напустилась на Ивана:

— И что ты, дурень, себе думаёшь? Только лежишь да на жалейке играешь. Видишь, свояки вон за львом уже поехали. Отец им все царство отпишет, а мы с тобой милостыню просить пойдем.

— Ах, милая женушка, — говорит Иван, — а люди разве не живут подаянием? И мы как-нибудь проживем.

Жена на том и успокоилась.

Вот прожили они с месяц или два, и просит Иван жену опять сходить к отцу за лошаденкой.

— Нет, — говорит жена, — уж теперь не пойду. Коли хочешь — ступай пешком: все равно с тебя никакого толку!

Иван спорить не стал, простился с женой и тронулся в путь-дорогу. Вышел в чистое поле, кликнул своих коней. Сивый конь и говорит ему:

— Теперь ты поедешь на гнедом. Как доскачешь до того царства, подъедешь к столице, то коня отпусти, а сам ступай к колодцу и скажи, что ты сам, мол, берешься поить льва. А если царь наймет тебя, не зевай. Вот тебе молоток — он любую цепь разобьет...

Долго ли Ивану — часа за три очутился он у колодца.

— Добрый день, молодцы! — поздоровался Иван с работниками, что черпали воду.

— Добрый день!

3. Зак. 2238

— Трудно вам тут работать?

— Ой, трудно!

— Так давайте я буду за вас поить льва.

— Что ты, — говорят работники. — Нас двенадцать, да и то мы не справляемся.

— Ничего, я справлюсь. Доложите вашему царю.

Пошел старший работник, доложил царю. Царь обрадовался: одному-то ведь меньше платить надо.

— Наймите его на три дня, — говорит царь. — Ежели справится, тогда и договариваться будем.

Работники отошли от колодца, а Иван принялся скорей за работу. И так у него гладко пошло, что лучше и не надо.

Старший работник побежал к царю.

— Диво! — говорит. — Лев не успевает всей воды выпить, что он один подает.

— Ну что ж, — говорит царь, — посмотрим, что завтра получится.

Ночью Иван говорит льву:

— Знаешь что: давай убежим отсюда. В моем царстве тебе вольготней будет.

И так это расхвалил свое царство, что лев вскоре согласился бежать с ним.

— Только не разорвать тебе цепей, какими я к колодцу прикован.

— Ничего, разорву.

Взял Иван молоток да как стукнул, так одна цепь и разлетелась. Двенадцать раз стукнул — двенадцать цепей разлетелось.

Сел тогда Иван на льва и помчался в свое царство. Встречает по пути свояков. Увидели те, что Иван едет на льве, и стали просить-умолять:

— Отдай нам этого льва.

— Ого, — не соглашается Иван, — все вам да вам! Дайте и мне привести хоть кого-нибудь тестю. А то вот жена все ругает меня: вы, говорит, будете царством владеть, а нам нищенствовать придется.

— Мы тебе, Иван, что хочешь дадим, только отдай нам льва.

И так стали его уговаривать, что Иван согласился.

— Ладно, — говорит, — но только теперь я возьму с вас подороже: вырежьте у себя со спины по куску кожи...

Свояки не стали перечить:

«Доктора свои, лекарства свои — залечим, — думают. — Зато уж теперь наверняка царством будем владеть. А тогда старого царя и этого дурня выгоним прочь!»

Взял Иван два куска кожи, скрутил их в трубочки и спрятал в свою торбу. Потом, когда свояки отъехали со львом версты две, кликнул он гнедого коня, сел и — айда домой!

Вернулся Иван домой. Слуги царские над ним смеются:

— Ишь, — говорят, — за три дня за львом пешком сходил. И куда уж там дурню с умными тягаться!

А жена плачет:

— Что ты себе думаешь? Над тобой люди смеются.

— И пусть смеются: не всем же плакать!

— Небось, поплачешь, коль отец своякам царство отпишет, а нам ничего не будет.

— Э, да к чему нам царство это! Даст клочок земли, и хватит с нас.

Жена и успокоилась: не будешь же все время плакать! И слез ведь не хватит.

Приводят свояки того заморского льва, с музыкой, с песнями. Собрались со всего царства князья да паны на диво поглядеть. А царь на радостях задал такой пир, что никто такого и не видывал.

Три дня и три ночи пировали. А когда окончился пир, созвал царь зятьев. Явились к нему зятья с женами и младшая царская дочь. Только Иван не пришел.

— А где же твой дурень? — спрашивает царь младшую дочку. — Почему он не идет? Хоть бы послушал, как я царство делить буду.

Пошла она к мужу:

— Иван, иди к отцу, послушай, как там и что.

— А зачем мне ходить-то?

— Пойди попроси у него хоть клочок земли.

Пошел Иван в царские покои, стал у порога и стоит.

Царь говорит старшим зятьям:

— Вот, зятья мои милые, отдаю я вам все свое царство, а сам остаюсь на ваших хлебах да милости.

— Спасибо, батюшка, — поклонились зятья.

— А мне, отец, что даешь? — спрашивает Иван с порога.

— Ничего тебе не даю! На печи царство не зарабатывают.

Посмотрел Иван на свояков и говорит:

— А они что сделали, что ты отдаешь им царство?

— Как что? — удивился царь. — Они мне добыли дива заморские.

— Где добыли? У меня выклянчили! Погляди-ка, отец, есть ли у них на правых ногах пальцы-мизинцы.

— А ну, снимайте сапоги! — велит царь зятьям.

Зятья сняли — и правда: нету у них на правых ногах пальцев-мизинцев!

Открыл Иван свою торбу и достал оттуда пальцы.

— Вот они! — говорит. — Это за свинку я у них взял. А теперь посмотри, отец, есть ли у них на правых руках пальцы-мизинцы.

Посмотрел царь — нету! А Иван достает их из той же торбы.

— Это я за кобылицу у них взял. Ведь они тебя обманули: привели только девять коней. А где ж еще три?

— Да, — почесал царь затылок, — обманули: трех коней не хватает...

Тут вышел Иван из дворца, крикнул громким голосом, свистнул молодецким посвистом — и явились перед ним три золотогривых коня. Царь так глаза и вытаращил. А зятья как полотно побледнели.

— А теперь, — говорит Иван, — погляди, отец, на спины своих зятьев: целы ли они?

Посмотрел царь — не хватает по куску кожи...

Вынул Иван из торбы два куска, приложил к спинам — их кожа!

— Это, отец, я им за льва памятку сделал.

Видит царь — все правда! Прогнал он тогда своих зятьев-обманщиков, а Ивану все царство отдал.

АЛЕНКА

Жили дед и баба. И была у них дочка Аленка. Но никто из соседей не звал ее по имени, а все звали Крапивницей.

— Вон, — говорят, — Крапивница повела Сивку пастись.

— Вон Крапивница с Лыской пошла за грибами.

Только и слышит Аленка: Крапивница да Крапивница...

Пришла она раз домой с улицы и жалуется матери:

— Чего это, мамка, меня по имени никто не зовет?

Мать вздохнула и говорит:

— Оттого, что ты, доченька, у нас одна: нет у тебя ни братьев, ни сестер. Растешь ты, как крапива под забором.

— А где ж мои братья и сестры?

— Сестер у тебя, — говорит мать, — нету, это правда, а вот братьев было трое.

— Где ж они, мамка?

— Кто их знает. Как тебя в колыбели еще баюкали, поехали они с огненными змеями — смоками — воевать, себе и людям счастье добывать. Вот с той поры и не вернулися...

— Мамка, так я пойду искать их, не хочу, чтоб меня Крапивницей называли!

И как ни отговаривали ее отец с матерью — ничего не смогли поделать.

Тогда мать и говорит:

— Одну я тебя не отпущу: мала ты еще для такой дороги. Запрягай Сивку и поезжай. Сивка наша старая, умная — она привезет тебя к братьям. Да смотри, на ночь нигде не останавливайся: езжай день и ночь, пока братьев не найдешь.

Запрягла Аленка Сивку, взяла на дорогу хлеба и поехала. Выехала она за деревню, видит — бежит за возом их старая собака Лыска. Хотела было Аленка назад ее прогнать, да передумала: пусть, мол, бежит — в дороге веселей будет.

Ехала она, ехала — подъезжает к перекрестку. Сивка остановилась, назад поглядывает. Аленка спрашивает у нее:

Заржи, заржи, кобылица,
Скажи, скажи мне, Сивица:
На какую дорогу мне тебя направлять,
Где мне братьев родных искать?

Подняла тут Сивка голову, заржала, на левую дорогу указала. Пустила ее Аленка по левой дороге.

Едет она чистыми полями, едет темными борами. Приехала в сумерках в чащу лесную. Видит — стоит в пуще у дороги хатка. Только Аленка подъехала к хатке, как выбежала оттуда какая-то горбатая, костлявая старуха с длинным носом. Остановила она Аленку и говорит ей:

— Куда ты, неразумная, на ночь едешь? Тебя тут волки съедят! Оставайся у меня ночевать, а завтра, как развиднеется, и поедешь.

Услыхала это Лыска и затявкала потихоньку:

Тяв, тяв!

Не велела мати
Ночек ночевати!..
Тяв, тяв!
Не старуха это
Говорит с тобою, —
Ведьма Барабаха
Замышляет злое...

Не послушалась Аленка Лыску, осталась ночевать в хатке.

Расспросила ведьма Барабаха Аленку, куда она едет. Аленка все ей рассказала. Ведьма от радости так и подскочила: Аленкины братья, думает она, и есть, наверно, те самые богатыри, что всю ее родню со свету сжили. Теперь-то она с ними расправится...

Наутро поднялась ведьма, нарядилась, как на ярмарку, а всю Аленкину одежду спрятала и будит ее:

— Вставай, поедем братьев искать!

Встала Аленка, смотрит — нету одежи...

— Как же я поеду? — говорит Аленка.

Принесла ей ведьма старые нищенские лохмотья.

— На, — говорит, — хороша тебе будет и такая одежка.

Оделась Аленка и пошла запрягать Сивку.

Взяла ведьма нож и толкач, села в повозку, как пани, а Аленку вместо кучера посадила.

Едут они, а Лыска бежит сбоку и тявкает:

Тяв, тяв!
Не велела мати
Ночек ночевати!..
Тяв, тяв!
Ведьма Барабаха
Паньею сидит,
На тебя, Аленка,
Как змея глядит...

Услыхала это ведьма Барабаха, схватила толкач и кинула в Лыску. Завизжала Лыска — перебила ей ведьма ногу.

Аленка заплакала:

— Бедная, бедная Лыска, как же ты будешь теперь бежать!

— Замолчи, — пригрозила ей ведьма, — а то и с тобой так будет!

Едут они дальше, а Лыска не отстает, на трех ногах скачет. Доехали они до нового перекрестка. Сивка остановилась. Аленка спрашивает у нее:

Заржи, заржи, кобылица,
Скажи, скажи мне, Сивица:
На какую дорогу мне тебя направлять,
Где мне братьев родных искать?

Заржала Сивка, на правую дорогу показала.

Целую ночь ехали они темною пущей по правой дороге. Утром-светом выехали они на луг, видят — стоит перед ними шелковый шатер, а рядом три коника пасутся. Сивка весело заржала и повезла Аленку с ведьмой прямо к шатру.

Обрадовалась Аленка:

— Здесь, наверно, мои братья живут!

Ведьма злобно фыркнула:

— Лучше помалкивай. Здесь живут не твои братья, а мои!

Подъехали к шатру. Выходят оттуда три стройных хлопца-молодца — все на одно лицо, голос в голос, волос в волос.

Спрыгнула ведьма с воза и к ним:

— Как, братики, поживаете? А я весь свет объездила, измаялась, вас все искала...

— Так это ты наша младшая сестрица? — спрашивают братья-богатыри.

— Да, да, — говорит ведьма. — Ваша родная сестра...

Кинулись братья к ней и давай ее целовать-миловать, на руках подбрасывать. Уж так рады-радешеньки, что и не рассказать.

— Вишь, — удивляются они, — как долго мы воевали: за это время сестра не только выросла, а и состариться успела... Ну, да ничего: всех ворогов мы перебили, осталась одна только ведьма Барабаха. Как найдем ее, то сожжем, а тогда и домой поедем.

Услыхала это ведьма и только ухмыльнулась: посмотрим еще, кто кого сожжет!..

— А что это, сестрица, за девочка с тобой приехала? — спрашивает старший брат.

— Да это моя наймичка, — отвечает ведьма Барабаха. — Она у меня за кучера ездит и мою кобылку пасет.

— Хорошо, — говорят братья, — она и наших коней будет пасти.

Повернулась ведьма, крикнула строгим голосом Аленке:

— Чего сидишь? Выпрягай Сивку да веди ее пастись!

Заплакала Аленка, стала Сивку выпрягать, а братья подхватили ведьму Барабаху на руки, понесли в шатер, стали поить-потчевать.

Ест ведьма Барабаха, пьет, а сама думает: «Как улягутся они спать, я всех их зарежу...»

А Аленка сидит тем временем на лугу возле коней и поет, плачучи:

Солнышко, солнышко,
Сырая землица,
Мелкая росица,
А что моя мамка делает?

Отвечают земля и солнце:

Холсты ткет,
Холсты ткет,
Золотом-узором
Завивает,
Дочку Аленку
С братьями ожидает...

Вышел младший брат из шатра и заслушался.

— Знаешь, сестрица, знаете, братья, то ли это птичка на лугу щебечет, то ли это дивчина напевает. Да так жалобно, что аж за сердце хватает.

— Это моя наймичка, — говорит ведьма Барабаха. — Она на все выдумки хитра, да только работать ленивая.

Вышел тогда средний брат послушать, хоть ведьма и не пускала его.

Послушал он жалобную песню Аленки, а потом слышит, как собака Лыска затявкала:

Тяв, тяв!
Ведьма Барабаха
Во шатре сидит,
На чужих на братьев
Гадиной глядит,
Булки ест, вино пьет,
Медом запивает,
Родная ж сестрица
Слезы проливает...

Вернулся средний брат и говорит старшему:

— Ступай и ты послушай.

Пошел старший брат, а средний все на ведьму Барабаху поглядывает.

Послушал старший брат песню Аленкину, послушал и что собака Лыска про ведьму Барабаху сказала, и обо всем догадался.

Подбежал он тогда к Аленке, схватил ее на руки и принес в шатер.

— Вот кто, — говорит он братьям, — наша настоящая сестра! А это обманщица — ведьма Барабаха!

Развели братья большой костер и сожгли на нем ведьму Барабаху, а пепел в чистом поле развеяли, чтоб и духу ее не было. А потом свернули шелковый шатер и поехали счастливые вместе с Аленкой к старикам своим, к отцу-матери.

КАК ВАСИЛЬ ЗМЕЯ ОДОЛЕЛ

Было оно или не было, правда ли то или нет, — послушаем лучше, что сказка сказывает.

Ну так вот. Прилетел в один край страшный-престрашный змей. Вырыл себе среди леса глубокую нору и лег отдыхать.

Долго ли отдыхал он, никто не помнит того, но как поднялся, то сразу громко закричал, чтоб все слышали:

— Эй, люди — мужики и бабы, старые и малые, — приносите мне каждый день дань: кто корову, кто овечку, а кто свинью! Кто принесет, тот в живых останется, а кто нет, того проглочу!

Переполошились люди и начали носить змею, что положено.

Носили, носили, а потом видят — и носить-то нечего. Совсем обеднели. А змей был такой, что без дани и дня прожить не мог. Стал он тогда по селам летать, людей хватать, к себе в нору таскать.

Ходят люди как неприкаянные, плачут, спасения ищут и не знают как им от лютого змея избавиться.

Тем временем заехал в то место один человек. Звали его Василь. Видит Василь, что ходят люди пригорюнившись, руки ломают да голосят.

— Что у вас за беда? — спрашивает. — Чего вы голосите?

Рассказали ему люди про свою беду.

— Успокойтесь, — стал утешать их Василь, — я попробую вас спасти от лютой напасти...

Взял он дубинку потолще и поехал в тот лес, где жил змей.

4. Зак. 2238

Увидал его змей, вытаращил зеленые глазищи и спрашивает:

— Ты зачем сюда заехал с этой дубиной?

— Бить тебя! — говорит Василь.

— Ишь ты! — удивился змей. — Убегай-ка лучше отсюда, пока не поздно. А то как дохну, как свистну, ты и на ногах не устоишь, за три версты отлетишь.

Усмехнулся Василь да и говорит:

— Не хвались ты, старое пугало, я и не таких видывал! Еще посмотрим, кто из нас посильней засвистит. Ну, свистни!

Свистнул змей, да так сильно, что аж листья с дерев посыпались, а Василь на колени упал. Поднялся он и говорит:

— Э, глупости! Да разве ж так свистят? Это ведь курам на смех! Давай-ка, я попробую, только ты завяжи себе глаза, а то, чего доброго, повылазят.

Завязал змей глаза платком, а Василь подошел да как свистнет его дубиной по голове, что у змея аж искры из глаз посыпались.

— Неужто ты сильнее меня? — говорит змей. — Давай-ка еще попробуем. Кто из нас быстрее камень раздавит?

Схватил змей камень пудов во сто, сдавил его лапами, да так крепко, что пыль столбом поднялась.

— Ничего тут удивительного нету, — смеется Василь. — Вот ты сожми так, чтоб из камня вода полилась.

Испугался змей: видит, что Василь и вправду сильнее его. Посмотрел он Василеву дубину и говорит:

— Проси у меня что хочешь, я все тебе сделаю.

— Ничего мне не надо, — отвечает Василь, — у меня всего дома в достатке, побольше твоего.

— Ну да! — не верит змей.

— Не веришь, так поедем посмотрим.

Сели они в повозку и поехали.

Тем временем змею есть захотелось. Увидал он стадо волов на опушке леса и говорит Василю:

— Пойди, поймай вола, маленько закусим.

Пошел Василь в лес и начал драть лыко. Ждал змей Василя, ждал и наконец сам к нему пошел:

— Ты что тут так долго возишься?

— Лыко деру.

— А зачем тебе лыко?

— Хочу веревок навить да на обед пять волов наловить.

— Зачем нам пять волов? Хватит и одного.

Схватил змей вола за загривок и потащил к повозке.

— А ты, — говорит Василю, — принеси дров, будем вола жарить.

Сел Василь в лесу под дубом и сидит себе, цигарку покуривает.

Ждал змей, ждал и не выдержал. Приходит к Василю:

— Ты что так долго тут возишься?

— Да вот хочу с десяток дубов принести. Выбираю, какие потолще.

— Зачем нам десять дубов? Хватит и одного! — сказал змей и вырвал одним махом самый толстый дуб.

Зажарил змей вола и приглашает Василя есть.

— Ешь ты сам, — отказывается Василь, — я уж дома подкреплюсь; что тут одним волом заниматься, это мне один раз укусить.

Съел змей вола, облизнулся, и поехали они дальше. Подъезжают к дому, где жила семья Василя. Увидели дети издали, что отец едет, и закричали от радости:

— Тата едет! Тата едет!

А змей не расслышал и спрашивает:

— Что там дети кричат?

— Да это они радуются, что я тебя им на обед везу. Они у меня давно проголодались...

Испугался змей, спрыгнул с повозки и бросился наутек. Но не разглядел дороги, да и попал в болото. А болото было такое, что и дна не достать. Провалился змей на дно, да там и захлебнулся.

ПОКАТИГОРОШЕК

Жили дед с бабой. Было у них два сына и дочка Палаша. Красивые выросли сыновья — высокие да стройные. А дочка, та еще краше.

Сыновья землю пахали, хлеб сеяли, хозяйством занимались, этим вот и жили.

Однажды управились они до срока с работой, все с поля убрали, свезли и обмолотили.

Поглядел отец на неполные закрома да и говорит:

— А хлеб-то, сыны мои милые, нонешним летом скупо уродился. Не пойти ли вам к чужим людям на заработки? Запас беды не чинит.

Подумали братья — что ж, и правда: не мешало бы иметь лишний грош в хозяйстве. За него весной можно будет хлеба прикупить, коль своего не хватит. Да вот куда на заработки пойти? Кругом все бедные люди живут.

Сходите за пущу, — советует отец. — Может, вас там кто и наймет.

Набрали братья харчей по торбе и говорят:

— Если через неделю мы не вернемся, то пусть Палаша принесет нам свежего хлеба.

— А как же я узнаю, куда вам его нести? — спрашивает Палаша.

— А мы возьмем с собой куль соломы и будем по дороге бросать по соломинке — вот след этот и приведет тебя к нам.

— Раз так, то мне нетрудно вас будет найти, — согласилась сестра.

Собрались братья и пошли.

Идут да по соломинке вслед за собой бросают.

Прошли они поле, вошли в дремучую пущу. А в пуще той жил страшный Смок с железным языком. Увидел он, что братья за собой след оставляют, взял да и перебросил соломинки на другую стежку. А вели та стежка прямо к костяному дворцу...

Прошла неделя. Не вернулись братья. Радуется отец:

— Видно, нашли они там подходящую работу. Отнеси им, дочка, свежего хлеба.

Взяла Палаша хлеба да еще к хлебу кое-чего и двинулась в путь-дорогу. Идет и все к соломинкам присматривается. Вдруг видит перед собой дворец — из костей человечьих построенный, черепами человечьими крытый...

Испугалась девушка: «Куда это я попала?» — думает.

А тут и сам хозяин из дворца выходит — пугало поганое.

— А-а, — ухмыляется он, — попалась ты ко мне в руки. Давно я на тебя заглядывался, забрать в свой дворец собирался. А вот ты и сама явилась ко мне. Ну что ж, теперь отца-мать забывай, ко мне ступай. Будешь жить в моем дворце наймичкой. А не захочешь — заброшу и твой череп к себе на крышу.

Залилась Палаша горькими слезами, да что делать... Не смилостивится поганый Смок.

А тем временем Палашины братья и правда нашли себе у одного богатого человека хорошую работу. Порядились работать на своих харчах. Проработали неделю, а потом видят,

что харчи уже вышли. Ждали они, ждали сестру — да так и не дождались.

Приходят братья домой и спрашивают:

— А чего ж ты нам, батька, еды не прислал?

— Как не прислал, — удивляется отец. — Ведь Палаша понесла вам и хлеба и к хлебу...

— Нет, — говорят братья, — мы ее и видеть не видели.

Испугались отец с матерью, горюют: «А не пропала ли где дочка?»

— Я пойду ее искать, — говорит старший брат.

— Иди, сынок, — согласились отец с матерью.

Собрался он и пошел. Идет пущей-лесом, видит, соломенки совсем в другую сторону повели. Пошел он по той стежке, куда соломинки вели, и пришел к костяному дворцу.

Увидала его Палаша из окна, выбежала навстречу.

— Ах, братец, родной мой! — плачет сестра. — Несчастная я теперь, невольница горемычная...

И рассказала она брату, как в неволю к поганому Смоку попала.

— Не плачь, сестрица, — утешает ее брат, — я тебя вызволю.

— Нет, братец, не знаешь ты, с кем дело имеешь. Ступай-ка лучше скорее назад, а то Смок убьет тебя. Он за сто верст людской дух чует.

— Смерти я не боюсь, — отвечает брат. — А вот давай-ка лучше подумаем, как твоего хозяина обмануть, как тебя отсюда к отцу-матери вернуть.

Говорит сестра:

— Подожди ты тут, а я пойду спрошу у хозяина, пустит ли он тебя к себе во дворец. А там мы что-нибудь да придумаем.

Пошла она к Смоку.

— Что бы ты, — говорит, — хозяин, сделал, если бы сюда мой брат пришел проведать меня?

— Как гостя бы принял, — ухмыльнулся Смок.

Поверила ему Палаша и привела брата во дворец.

Усадил Смок гостя за стол и говорит Палаше:

— Принеси нам железных бобов.

Принесла Палаша котел железных бобов.

— Давай, гостюшка, пополуднем, — говорит Смок. И стал загребать из котла пригоршнями.

Взял и гость один бобок, подержал во рту да и выплюнул.

Смок скривился.

— Ты, видать, гость не больно голодный?..

— Благодарствую, — говорит гость, — есть мне и правда не хочется...

— Ну, так пойдем посмотрим мои богатства.

Обошли они все покои, все подвалы — добра у Смока и не счесть: и золото, и серебро, и меха драгоценные.

Повел Смок гостя на конюшню. А стояло там двенадцать жеребцов, и каждый жеребец на двенадцати цепях к железным столбам прикован.

— Ну что, гость, кто из нас побогаче: ты или я? — хвалится хозяин.

— Да где уж мне с тобой равняться, — говорит гость. — У меня и сотой доли того нету.

— А теперь я покажу еще одну штуку.

Привел его Смок к колоде — в четыре сажени толщиной, в двенадцать длиной.

— Видишь эту колоду?

— Вижу, — отвечает гость.

— Так вот: если ты без топора перерубишь ее, без огня сожжешь, тогда вернешься домой живым. А не то смерть тебе!

Гость говорит:

— Хоть убей меня на месте, а сделать этого я не могу.

— Не можешь! — закричал Смок. — Чего ж ты ко мне в гости явился? Ты ведь со мной, с самим царем лесным, подружить задумал!

Убил Смок гостя, глаза выколол, а самого в конюшне на перекладине повесил.

Прошел день, другой, не вернулся домой старший брат.

Говорит тогда младший брат отцу-матери:

— Пойду я сестру искать.

Жаль отцу-матери отпускать его в неведомую дорогу, последний ведь он у них остался. Начали они его отговаривать.

— Нет, — говорит младший брат, — пойду.

Собрался и пошел.

Ну, понятно, с ним случилось то же, что и со старшим.

Проведала о том Палаша, громко заголосила:

— Ах, хозяин! Зачем сжил моих родных братьев со свету? Одни теперь старики, отец с матерью, у меня остались. Раз так, то убей и меня и повесь в своей конюшне заодно с братьями...

— Нет, — ухмыльнулся Смок, — тебя убивать я не буду. А вот ежели отца и мать поймаю, так сразу убью, чтоб ты больше о них и не думала.

Трудно стало жить отцу-матери без детей. Сидят они, горюют: кто на старости лет присмотрит за нами, кто похоронит...

Пошла однажды баба за водой. Глядь — катится по дороге горошинка. Подняла она ту горошинку и съела.

А вскорости родился у них мальчик. Да такой пригожий — полный, кудрявый, с русыми волосами. И дали ему отец с матерью имя Покатигорошек.

Растет мальчик не по дням, а по часам. Радуются отец с матерью, любуются — будет им в старости помощь. Одна только беда: притронется к кому-нибудь из детей, играючи, Покатигорошек, а дитя так и валится, как сноп. Каждый день приходят к старику со старухой соседи жаловаться, что Покатигорошек, мол, детей их обижает.

Так вот и рос он.

Однажды стал Покатигорошек расспрашивать у матери:

— Почему я у вас один? Почему нет у меня ни сестер, ни братьев?

Мать утерла углом платка глаза и говорит:

— Были у тебя, сынок, и братья и сестрица...

— А где же они? Коль поумирали, то я ничего поделать не в силах, а коль в неволю попали, то пойду их вызволять.

Рассказала мать, что знала про своих детей.

На другой день вышел Покатигорошек на улицу погулять. Нашел там старый какой-то гвоздик, принес домой и говорит:

— Отнеси, тата, гвоздик этот к кузнецу да скажи ему, чтобы выковал из него булаву на двенадцать пудов.

Отец ничего ему не сказал, а про себя подумал: «Вот дитятко-то какое у меня народилось, не такое, как у людей. Еще мал, а уже над отцом смеется. Где же это видано, чтоб из гвоздика двенадцатипудовую булаву выковать?»

Закинул отец гвоздик на полку, а сам поехал к кузнецу и заказал ему двенадцатипудовую булаву?»

Вечером привозит булаву домой. Взял Покатигорошек булаву, вышел на огород, размахнулся и кинул ее в небо. А сам вернулся в хату и лег спать.

Наутро поднялся Покатигорошек, припал правым ухом к земле, слышит: гудит земля!

— Тата! — кричет сын. — Ступай-ка послушай, булава-то назад с неба летит.

Подставил он колено, булава ударилась о колено и переломилась надвое. Посмотрел на нее Покатигорошек и говорит:

— Ты мне, тата, сделал булаву не из того железа, что я тебе дал. Скажи кузнецу, чтобы сделал из того гвоздика!

Почесал отец затылок и поехал опять к кузнецу, на этот раз уже с гвоздиком.

Удивляется кузнец — как это можно из гвоздика да двенадцатипудовую булаву выковать! Но все же принялся за работу. Бросил гвоздик в огонь, а тот и давай расти, как на дрожжах. Растет и растет.

Выковал кузнец из гвоздика двенадцатипудовую булаву, да еще вон сколько железа осталось...

Привез отец булаву домой. Сын поглядел на нее и спрашивает:

— Из чего кузнец ковал булаву? Может, опять не из гвоздика?

— Нет, теперь, — говорит отец, — сделано все, как ты и просил.

Вскинул Покатигорошек булаву на плечо, простился с отцом-матерью и пошел по белу свету искать сестру и братьев.

Долго ли коротко шел он, пришел-таки к Смокову дворцу. На дворе встретила его сестра Палаша.

— Кто ты такой? — спрашивает. — И зачем явился сюда? Ведь тут страшный-престрашный Смок живет...

Рассказал ей Покатигорошек, кто он и куда идет.

— Нет, — говорит Палаша, — неправда это: было у меня двое братьев, да поганый Смок поубивал их, на перекладине в конюшне повесил. А ты не мой брат.

И не поверила она.

— Так дозволь хоть переночевать у вас! — попросил Покатигорошек.

Пошла Палаша к Смоку.

— Ты чего так запечалилась? — спрашивает ее Смок.

— Да вот пришел хлопец какой-то и говорит, что он мой брат. Просится переночевать с дороги.

Взял Смок свою волшебную книгу, развернул ее, поглядел и говорит:

Да, у тебя еще будет один брат... Но не этот... Этот обманывает. Позови-ка его сюда, я с ним сам поговорю.

5. Зак. 2238

Вошел Покатигорошек к Смоку:

— Добрый день, хозяин!

— Добрый день, гость!

Поставил Смок на стол угощение — железные бобы.

— Садись, — показал он Покатигорошку на железное кресло.

И только Покатигорошек сел, так кресло и рухнуло.

— Э-э, хозяин, — удивляется Покатигорошек. — И непрочные же у тебя кресла! Разве нет хороших мастеров, чтобы сделали покрепче?

Испугался Смок. Принес другое кресло, покрепче.

Сел Покатигорошек за стол. Смок подсунул ему котел.

— Угощайся.

— Да я и правда за долгую дорогу проголодался, — говорит Покатигорошек.

И начали они есть. Смок всыплет горсть в свои ртище, а Покатигорошек — две. Ест, аж за ушами трещит.

Опорожнили весь котел.

— Ну что, наелся? — спрашивает Смок.

— Не очень. Только червячка заморил.

Видит Смок: в еде не справиться ему с этим хлопцем!

— Так пойдем посмотрим на мои богатства, — говорит Смок.

Показал Смок Покатигорошку все свои богатства.

— У кого больше добра, — ухмыляется Смок: — у тебя или у меня?

— Я не богат, — говорит Покатигорошек, — но и тебе-то хвастаться нечем.

Разозлился Смок.

— Ты смеешься надо мной! Пойдем, я покажу тебе одну штуку.

Привел он Покатигорошка к той же колоде, к какой водил и братьев его.

— Если без топора перерубишь ее, без огня сожжешь, то отпущу тебя домой. А нет — будешь там, где и братья твои...

— Ну, это мы еще посмотрим! — смеется Покатигорошек. — Не пугай сокола вороной!

Притронулся он пальцем-мизинцем к колоде, а та враз и рассыпалась на мелкие щепки. А потом как дохнул, так от щепок ничего и не осталось.

Видит Смок — не простой гость попался.

— Пойдем теперь поборемся, — говорит Смок. — Посмотрим, кто из нас посильней.

— Зачем сразу бороться? Давай сперва на руках попробуем: я твою руку сожму, а ты мою.

— Да где уж тебе, молокососу, со мной на руках тягаться! — стал горячиться Смок.

— Ничего, давай!

Разозлился Смок не на шутку:

— Ну, давай!

Схватились. Покатигорошкова рука только посинела, а Смокова аж почернела.

— Нет, — говорит Смок, — так бороться я не согласен. Давай лучше по-другому.

Дохнул он — сделался медный ток. Дохнул Покатигорошек — сделался серебряный.

Начали биться. Дохнул Смок — вогнал Покатигорошка в серебряный ток по щиколотки. Стукнул Покатигорошек Смока булавой — ушел Смок в медный ток по колени. Второй раз дохнул Смок — вогнал Покатигорошка в серебряный ток по колени. А Покатигорошек так стукнул Смока булавой — ушел Смок в медный ток по самую грудь.

Смок запросился:

— Погоди, гость: давай передохнем.

— Да не больно мы и устали, — усмехается Покатигорошек. — Я с дальней дороги и то чувствую себя ничего. А ты целыми днями вылеживаешься себе как пан.

Подумал Смок, покрутил головой и говорит:

— Видно, хлопче, убьешь ты меня.

— Для того и пришел я!

— Оставь мне хоть полжизни, — завопил Смок. — Забирай все мои богатства, только до смерти не убивай.

— Нет, нечистая сила, хватит! Ты обозвал меня молокососом, обесславил, а теперь еще милости просишь. Нету тебе пощады!

Вырвался Покатигорошек из серебряного тока и давай бить булавой Смока. Бил, бил и вогнал его в медный ток по самые уши.

Тут Смоку и конец пришел.

Отдохнул немного Покатигорошек и пошел в Смокову конюшню. Вывел одного жеребца в поле, снял с него шкуру мешком и залез сам в тот мешок. Сидит там и ждет. Прилета-

ет ворон с вороненком. Стали шкуру клевать. А Покатигорошек хвать вороненка за ногу.

Увидел это старый ворон, заговорил голосом человечьим:

— Кто тут?

— Я, Покатигорошек.

— Отдай мое дитя.

— Добудь целящей и живящей воды — отдам.

— Хорошо, — согласился ворон. — Добуду.

Взял он две фляжки и полетел за тридевять земель, в тридесятое царство. А в том царстве бил из-под одной горы родник с водою целящей, а из-под другой — с водою живящей. Набрал ворон воды и той и другой и назад воротился.

— На, — говорит Покатигорошку, — тебе воду, только верни мне дитя.

Тут вмиг Покатигорошек разорвал вороненка надвое.

— Ай-ай! — заголосил старый ворон. — Что ты наделал?

— Ничего, — говорит Покатигорошек. — Это я, чтоб попробовать.

Окропил он вороненка целящей водой — сделался он целым, покропил живящей — ожил вороненок.

— Ну вот видишь, — радуется Покатигорошек, — теперь я знаю, какая это вода.

Поблагодарил он старого ворона, а сам пошел на конюшню, к мертвым братьям. Окропил их живящей водой — ожили братья, покропил целящей — прозрели глаза.

— Ой, — говорят братья, — и как же мы долго спали!..

— Спать бы вам тут веки вечные, если б не я, — отвечает Покатигорошек.

Братья протерли глаза, вглядываются.

— Кто ты такой? — спрашивают Покатигорошка.

— Ваш брат.

— Нет, — заспорил младший брат, — братьев у нас больше не было. Ты обманываешь.

А старший брат говорит:

— Ну что ж: кто бы ты ни был, а коли нас из беды вызволил, ты нам и брат.

Обняли братья Покатигорошка, поблагодарили его. Потом сожгли Смоков костяной дворец, забрали сестру и все вместе домой вернулись.

И пошел там пир на весь мир. И я у них был. Мед, вино пил. По бороде текло, а в рот не попало. И сказка вся.

ВДОВИЙ СЫН

Приключилась в некотором государстве большая беда: налетел откуда-то девятиглавый змей Чудо-Юдо и украл с неба солнце и месяц.

Плачут люди, горюют: и темно без солнца, и холодно.

А жила в тех краях одна бедная вдова. Был у нее маленький сын — так лет пяти. Трудно жилось вдове в голоде да холоде. И была одна только у нее утеха, что растет сынок разумный да удалый.

И жил там поблизости богатый купец. Был у него сын таких же лет, как и вдовий.

Подружился купеческий сын со вдовьим. Бывало только проснется, так и бежит к нему играть. Позабавятся они в хате при лучине, а потом идут на улицу. Известное дело, дети малые: надо ж им в каталки поиграть и на речку сбегать.

И все бы хорошо, да вот беда — невесела игра без солнца.

Однажды говорит вдовий сын купеческому:

— Эх, кабы ел я то, что ты, то стал бы я богатырем и одолел бы Чудо-Юдо, отобрал бы у него солнце-месяц и опять бы на небе повесил!

Пришел купеческий сын домой и рассказал отцу, что ему вдовий сын говорил.

— Не может этого быть, — удивляется купец. — Ступай вызови его на улицу — хочу сам услышать.

Пошел купеческий сын к дружку, зовет его погулять.

— Я есть хочу, — говорит вдовий сын. — А у нас и куска хлеба нету...

— Пойдем на улицу, я тебе вынесу хлеба.

Вернулся купеческий сын домой, взял краюшку хлеба, вынес другу.

Поел вдовий сын хлеба, повеселел.

— Ты помнишь, что ты мне вчера говорил про Чудо-Юдо? — спрашивает купеческий сын.

— Помню.

И повторил слово в слово, что говорил про Чудо-Юдо. А купец стоял за углом и все слышал своими ушами.

«Эге, — подумал он про себя, — это, видно, не простой хлопец. Надо взять его к себе. Посмотрим, что получится».

Взял купец к себе в дом вдовьего сына, начал его кормить тем, что и сам ел. Видит, и вправду растет вдовий сын, как на дрожжах. Спустя год или два сделался он таким сильным, что

и самого купца мог побороть. Написал тогда купец царю: «Так, мол, и так, ваше царское величество, живет у меня вдовий сын, он берется, когда вырастет, одолеть Чудо-Юдо и вернуть на небо солнце с месяцем...»

Царь прочитал и пишет ответ: «Тотчас доставить мне вдовьего сына во дворец».

Запряг купец пару лошадей, посадил вдовьего сына в повозку и повез его к царю.

— Чем тебя, вдовий сын, кормить, чтобы вырос ты богатырем? — спрашивает царь.

— Кормите меня три года воловьей печенью, — отвечает вдовий сын.

А царю-то волов не покупать: велел и стали резать волов и кормить печенью вдовьего сына.

Растет теперь вдовий сын лучше, чем на купеческих харчах. Играет в царских палатах с царевичем-однолетком.

Прошло три года. Говорит царю вдовий сын:

— Теперь я пойду Чудо-Юдо искать. Но хочу, чтобы сын твой и купеческий сын были при мне в товарищах. Все же веселей в дороге.

— Хорошо, — соглашается царь, — пусть с тобой идут. Чтобы только Чудо-Юдо одолели.

Послал он купцу письмо, чтобы сын его во дворец явился. Не хотелось купцу отпускать сына в дальнюю дорогу, да с царем-то спорить не будешь.

Приехал купеческий сын в царский дворец. Тогда вдовий сын и говорит царевичу:

— Скажи отцу, чтоб он выковал мне булаву пудов этак на шесть. Будет хоть чем от собак отбиваться, а то я боюсь их.

— И мне, — говорит купеческий сын, — хоть пуда на три...

— А я что ж, хуже вас, что ли — мне тоже надо взять в дорогу булаву, хоть пуда на два, — говорит царский сын.

Пошел он к отцу. Велел царь кузнецам выковать хлопцам по булаве: вдовьему сыну на шесть пудов, купеческому — на три пуда, своему — на два.

Взял вдовий сын свою булаву, вышел в чистое поле и кинул ее в небо. Пробыла булава в небе часа три и летит назад. Подставил вдовий сын правую ладонь. Ударилась булава о ладонь и переломилась надвое.

Рассердился вдовий сын и говорит царскому сыну:

— Скажи отцу, чтоб не обманывал! С такой булавой и я пропаду и вы. Пускай велит кузнецам сковать мне булаву крепкую да большую — пудов на шестнадцать.

— А мне пудов на шесть, — говорит купеческий сын.

— А мне на три, — говорит царский сын.

Пошел он к отцу. Созывает царь к себе кузнецов:

— Вы, такие-сякие, что вы себе думаете! Почему слабую булаву сковали вдовьему сыну?

И дает им наказ выковать три новых булавы, побольше да покрепче.

Кузнецы стук да бряк — выковали три новых булавы.

Взял вдовий сын свою булаву, вышел в чистое поле и подбросил ее в небо. Пробыла булава в небе с утра до вечера и летит назад. Подставил вдовий сын колено — булава ударилась об него и надвое переломилась.

Пошел вдовий сын с друзьями сам к царю:

— Коли вы хотите, чтобы я Чудо-Юдо одолел и солнце-месяц у него отобрал, то прикажите медникам — пускай отольют мне медную булаву пудов на двадцать пять, да чтоб она не ломалась.

Купеческий сын говорит:

— А мне на девять пудов!

Царский сын говорит:

— А мне и на шесть хватит.

Позвал царь медников и велел им отлить без всякого обмана три булавы: одну на двадцать пять пудов, вторую на девять, а третью — на шесть.

Взял вдовий сын медную булаву в руки, повеселел — понравилась она ему. Потом вышел в чистое поле, кинул булаву в небо. Залетела булава за самые высокие облака. Целый день и целую ночь ходил вдовий сын по полям, по лугам, ждал булаву. Наконец рано утром слышит: летит булава из-за туч. Подставил вдовий сын плечо-булава ударилась и покатилась наземь.

— Вот это булава настоящая! — говорит он. — С такою булавой можно куда хочешь собираться, с Чудом-Юдом поганым сражаться.

Купеческий сын и царский тоже рады — добрые им булавы отлили медники!

Тогда вдовий сын и говорит друзьям:

— Ступайте с отцами проститься. Пора нам в путь-дорогу.

Царский сын пошел, а купеческий отказался:

— Зачем мне время тратить, я уже с отцом простился, когда сюда ехал.

Собрались хлопцы и тронулись в большую дорогу.

Одно царство прошли, второе, третье — дошли до калинового моста. Видят — стоит поблизости старенькая хатка.

— Давайте, — говорит вдовий сын, — тут заночуем, денек — другой отдохнем. А то неизвестно еще, какая дорога нам предстоит.

Зашли они в хатку. А там старенькая бабулька пряжу прядет. Поздоровались с нею хлопцы и просятся переночевать:

— Мы, бабка, с дальней дороги, больно устали...

— Ночуйте себе на здоровье, — говорит старушка. — Кто по дорогам ходит, тот хаты с собой не носит.

Разговорился вдовий сын с бабушкой и проведал, что попали они в царство поганого змея Чуда-Юда: как раз туда, куда им и надо!

Ночь наступила. Вдовий сын думает: «Надо бы дозор на калиновом мосту выставить, чтобы никто невзначай не напал».

Посылает он на стражу царского сына.

Взошел царский сын на калиновый мост и думает:

«Что мне стоять тут на виду? Если будет кто идти или ехать, то увидит меня. Пойду-ка я лучше да лягу под мостом — там поспокойнее будет».

Так он и сделал.

Тем временем не спится вдовьему сыну: «Надо, — думает, — проверить, стоит ли царский сын на страже».

Вышел он в полночь на калиновый мост, смотрит, а сторожа-то и нету!

Пока он искал царского сына, глядь — едет на охоту трехглавый змей, младший брат Чуда-Юда. На средней голове у него зоркий сокол сидит, сбоку быстроногая борзая бежит. А конь только ступил на мост, сразу заржал, борзая залаяла, а сокол закричал.

Ударил младший Чудо-Юдо коня промеж ушей:

— Ты чего, травяной мешок, заржал? А ты, собачье мясо, чего залаяла? А ты, ястребиное перо, чего криком кричишь? Если супротивника моего чуете, то здесь его и близко нету. Есть у меня один только супротивник, но тот живет за

тридевять земель, в тридесятом царстве. Это — вдовий сын. Но сюда и ворон костей его не занесет!

Услыхал такие слова вдовий сын и говорит:

— Доброго молодца не ворон кости носит — он сам приходит!

Испугался змей:

— Так ты здесь, вдовий сын?

— Здесь, нечистая сила!

— Ну, что будем делать — биться или мириться?

— Не для того я шел дальний свет, чтобы с вами, погаными, мириться, а для того, чтобы биться.

— Так готовь ток! — крикнул змей.

Вдовий сын отвечает:

— Тебе надо — ты и готовь! У тебя три духа, ты и дуй, а у меня один. Я к панской роскоши не привык: могу и на сырой земле биться.

Слез Чудо-Юдо с коня, дохнул в три духа, и стал ток гладкий на три версты.

Начали они биться.

Три часа бились. Одолел вдовий сын младшего Чудо-Юдо, сбил ему все три головы. Коня на зеленый луг пустил, борзую и сокола — в чистое поле. А сам в хатку вернулся и лег спать.

Поутру приходит царский сын из дозора.

— Ну, как тебе там сторожилось? — спрашивает вдовий сын. — Может, кто шел или ехал?

— Нет, — говорит царский сын, — за всю ночь и птица даже близко не пролетела...

«Ненадежный ты у меня товарищ, — думает вдовий сын. — Надо, видно, больше на себя полагаться».

На следующую ночь посылает он на калиновый мост купеческого сына. Походил купеческий сын по мосту и думает себе: «И чего мне здесь своей головой рисковать? Пойду-ка я лучше под мост, спать лягу».

Так он и сделал.

Вышел вдовий сын в полночь на мост проверить, стоит ли на страже его товарищ. Посмотрел туда-сюда — нету! Вдруг видит — въезжает на калиновый мост Чудо-Юдо о шести головах. Поднялся конь на дыбы, громко заржал, борзая залаяла, сокол закричал. Чудо-Юдо хвать коня промеж ушей:

— Ты чего, травяной мешок заржал? А ты, собачье мясо, чего залаяла? А ты, ястребиное перо, чего криком кричишь?

Здесь нет супротивника, равного мне по силе. Есть он, правда, да за тридевять земель, в тридесятом царстве — вдовий сын. Да сюда и ворон костей его не занесет!

В вдовий сын отвечает:

— Доброго молодца ворон костей не заносит — он сам приходит!

— А-а, так ты здесь, вдовий сын?

— Здесь, нечистая сила!

— Ну что ж: биться будем или мириться?

— Не для того шел я дальний свет, чтобы с вами, погаными, мириться, а для того, чтобы биться!

— А я бы тебе советовал, вдовий сын, лучше мириться, а то я тебя убью.

— Убьешь, тогда и говорить будешь.

— Ну так готовь ток! — заорал Чудо-Юдо.

— Тебе надо — ты и готовь. У тебя шесть духов, а у меня один. Мне и без тока хорошо: я мужицкий сын, к роскоши не привык, могу и на сырой земле биться.

Слез Чудо-Юдо с коня, дохнул в шесть духов, и стал ток гладкий на шесть верст.

Начали биться.

Бились шесть часов. Вдовий сын сбил Чуду-Юду все шесть голов. Коня на зеленый луг пустил, борзую и сокола — в чистое поле. А сам в хатку вернулся и лег спать.

Наутро приходит сторож, будит вдовьего сына:

— На чужой стороне долго спать не положено. Я вот целую ночь и глаз не смыкал...

Подумал вдовий сын: «И на этого товарища малая надежда. Надо только на себя надеяться».

Настала третья ночь. Вдовий сын отправил старушку ночевать в овин, а сам воткнул в стену нож, подставил кубок и говорит друзьям:

— Ежели в этот кубок капнет с ножа кровь, то бегите мне на помощь.

А чтоб друзья не уснули, он дал им карты и велел играть.

Но только вышел он за порог, как те бросили карты и легли спать.

Пришел вдовий сын на калиновый мост, стал на стражу. Ровно в полночь видит — въезжает на калиновый мост самый старший Чудо-Юдо о девяти головах. На груди у него месяц сияет, на средней голове солнце сверкает. Конь под ним на колени упал, громко заржал, борзая залаяла, сокол закричал.

Чудо-Юдо ударил коня промеж ушей:

— Ты чего, травяной мешок, заржал? А ты, собачье мясо, чего залаяла? А ты, ястребиное перо, чего криком кричишь?

Говорит конь:

— Эх, хозяин, в последний раз ты на мне на охоту едешь...

— Ты что, волчье мясо, врешь! Тут нету моего супротивника. Есть только за тридевять земель, в тридесятом царстве вдовий сын, да сюда и ворон костей его не занесет.

Вышел вдовий сын вперед и отвечает:

— Доброго молодца ворон костей не заносит — он сам приходит!

— Ах, так ты здесь, вдовий сын?

— Здесь!

— Ну что ж ты хочешь: биться или мириться? Я советовал бы тебе лучше мириться: молод ты еще, чтоб со мной силой меряться.

— Молод ли — не молод, а не для того я шел дальний свет, чтоб с тобой, вор поганый, мириться, а для того, чтобы биться.

— Ну уж если ты отважился биться со мной, то готовь ток. Посмотрю, какая в тебе сила.

— Мне ток не нужен: я и на сырой земле могу биться! А ты готовь себе, коль привык ходить по чистому.

Слез чудо-Юдо с коня, дохнул — на девять верст сделался ток гладкий.

Начали биться.

Бились, бились — вдовий сын Чуду-Юду три головы сбил, а одолеть не может. «Где же мои товарищи? — думает он. — А не спят ли они?»

Просит вдовий сын у Чуда-Юда передышки:

— Цари-короли воюют, да и то передышку имеют: давай и мы сделаем!

— Давай, — говорит Чудо-Юдо.

Отошел вдовий сын в сторону, снял с левой руки рукавицу да как кинул ее в хатку, где остались товарищи, — всю крышу снес начисто. А друзья повернулись на другой бок и спят себе, как спали.

Видит вдовий сын — нету подмоги.

Начали они опять биться. Бились, бились — сбил вдовий сын еще три головы у Чуда-Юда, сам по колено в крови стоит, а с последними головами справиться не может.

Опять просит он передышки.

— Что это ты, — ухмыляется Чудо-Юдо, — все передышки просишь?

— А разве времени у нас мало?

— Ну, давай передохнем.

Улучил вдовий сын минутку, когда враг отвернулся, и кинул вторую рукавицу в хатку. Хатку по самые окна снесло, а дружки спят, как спали.

Передохнули немного да и начали опять биться. Вдовий сын уже чуть не по пояс в крови стоит, а с последними головами справиться не может: силы не хватает.

Тем временем и светать начало. «Друзья уж, наверно, выспались, — думает вдовий сын. — Надо им еще разок о себе напомнить».

Говорит он опять Чуду-Юду:

— Цари-короли воюют, да и то передышку имеют. Давай мы и в третий раз передохнем. А тогда уж до конца будем биться.

Чудо-Юдо тоже ослаб.

— Ладно, — говорит, — давай передохнем.

Снял вдовий сын сапог с левой ноги и швырнул его в хатку.

Долетел сапог до хатки и развалил ее до самого подпола. Вскочили с постели его друзья, видят — полон кубок крови: с ножа потекло...

— Ну, — говорят, — видно, плохо нашему товарищу, если так.

Схватили они свои булавы и бросились на калиновый мост. Как увидел их Чудо-Юдо, так и затрясся:

— Ах, вдовий сын, теперь-то я знаю, зачем ты передышки просил да сапог с левой ноги бросал! Перехитрил ты меня...

И как взялись друзья бить втроем Чудо-Юдо со всех сторон, уж тот не знает, на кого и нападать.

Сбили они последние три головы. Тут Чудо-Юду и конец настал.

Взял тогда вдовий сын солнце и месяц и повесил их на небо. И враз стало на всей земле светлым-светло. Выбежали люди на улицу, радуются, любуются, на солнце греются...

Вернулись друзья к старушке, поставили ей новую хатку, да получше той, что была, и решили перед дорогою немного отдохнуть.

Царский и купеческий сыновья спят себе, гуляют, а вдовий сын все думает: «Ни одного Чуда-Юда больше нету на свете,

но остались еще их жены — ведьмы. Как бы не наделали они какой беды!»

Оставил он друзей, а сам переоделся и пошел в палаты, где жили все три Чуда-Юда.

— А не надо ли вам работника? — спрашивает он ведьм.

— Да, надо, — отвечает самая старая ведьма, — Мы ведь теперь осиротели: некому работать. Всех троих наших мужей вдовий сын поубивал. Но ничего, мы его сживем со свету!

— Как же вы его сживете? — спрашивает работник. — Он ведь, как видно, больно силен.

— У него сила, а у нас колдовство, — говорит жена младшего Чуда-Юда. — Вот будет он ехать со своими помощниками назад в свое царство, а я и разольюсь по пути родником: напьются они воды — и конец им.

— А если это не поможет, — говорит жена среднего Чуда-Юда, — то сделаюсь я сладкою яблоней. Съедят они по яблоку — больше уж не захотят...

— Без воды да без яблок, — говорит жена самого старшего Чуда-Юда, — они могут и обойтись. А я вот лучше придумала: расстелюся я на сто верст цветущим лугом. А в стороне тенистую вербу поставлю. Будут они ехать и захотят коней на лугу попасти, под вербой отдохнуть. И только лягут они, так уж больше не встанут. А конь как щипнет три раза травы с того луга, так и ему не жить больше...

А вдовьему сыну только это и надо было. Дождался он ночи, когда ведьмы уснули, вышел из дворца и бегом к друзьям.

На другой день чуть свет пошли они на зеленый луг, поймали каждый себе по коню. Вдовий сын сел на коня девятиглавого Чуда-Юда, купеческий на коня шестиглавого, а царский — на коня трехглавого Чуда-Юда. И поехали в свое царство.

Едут они полями, едут борами, подъезжают к роднику. И тут царскому сыну и купеческому так пить захотелось, что выдержать не могут.

Вдовий сын и говорит:

— Вы как-никак люди не мужицкого звания. Погодите, я вам сам воды принесу.

Спрыгнул он с коня, подошел к роднику и давай колотить по нему булавой. Разбил так, что одна только грязь да кровь остались.

Друзья чуть не плачут:

— Ты зачем это сделал? Мы умираем от жажды...

— Не родник это, — говорит вдовий сын, — а обман только.

Сел он на коня и поехали они дальше.

Подъезжают к яблоне. И такие на ней яблоки растут — красные да румяные, сами в рот просятся.

Кинулись товарищи к яблоне, а вдовий сын остановил их:

— Погодите! Вы все же люди панского звания — я вам лучше сам яблок нарву.

Подошел он к яблоне, ударил по ней булавой — та враз повалилась и завяла.

— Ты зачем это сделал? Мы бы хоть по яблочку съели.

— Не яблоки это, а смерть ваша, — говорит вдовий сын.

Двинулись они дальше. Подъезжают к цветущему лугу. Увидели тенистую вербу, и так всем спать захотелось — никак не удержаться. А кони так копытами и бьют — к цветущей траве тянутся.

Придержал вдовий сын коня:

— Пойду погляжу, можно ли коней на лугу этом пасти.

Подошел он к вербе да как начал ее булавой бить, так луг враз и засох весь, а от вербы одни лишь кости остались.

— Вот видите, какая это верба и какой луг, — говорит вдовий сын товарищам. Проехали они сухой луг и остановились ночевать в зеленой дубраве. Коней пустили пастись, а сами поужинали да и спать легли. Три дня и три ночи проспали. А как проснулись, вдовий сын и говорит друзьям:

— Тут и царство наше уже недалече. Езжайте себе по домам одни. А то ваши отцы давно вас ждут. У меня же отца нету. Я еще по белу свету поброжу, погляжу.

Простился вдовий сын с друзьями и поехал по белу свету гулять.

Долго ли ездил он, или недолго, — приезжает к царю Постоянцу. А был тот царь однобокий, одноглазый, с одною ногой, с одною рукой, на плечах — полголовы, на лице — полбороды. И очень любил он лошадей.

Увидел он коня вдовьего сына и говорит:

— Давай бежать взапуски вокруг дворца. Если я тебя обгоню — коня твоего заберу, а если ты меня обгонишь — отдам тебе свое царство.

Подумал вдовий сын: «Не может быть, чтоб однобокий да одноногий царь меня опередил». И согласился.

Кинулись они бежать. Вдовий сын и трех шагов не сделал, а одноногий царь уже трижды вокруг дворца оббежал...

Забрал царь Постоянец коня вдовьего сына и поставил у себя на конюшне.

Вдовий сын чуть не плачет: жаль ему коня. Стал он царя просить:

— Какую хочешь службу тебе сослужу, только верни мне назад коня!

Подумал царь Постоянец и говорит:

— Живет в тридевятой земле, в тридесятом царстве баба Каргота. Есть у нее двенадцать дочерей, все как одна: волос в волос, голос в голос и все на одно лицо. Бабин дом обнесен высоким частоколом, и на каждой частоколине человечья голова торчит: это все тех, что приходили за бабиных дочерей свататься. Только одна частоколина пустая. Так вот: ежели ты сосватаешь за меня младшую дочь бабы Карготы — верну тебе коня.

Подумал вдовий сын: если не согласиться, то не видать ему коня как своих ушей. А согласиться, может, без головы останешься, а может, и с головой и с конем.

— Ладно, — говорит он царю. — Пойду в сваты.

Идет он, идет, глядь — бежит человек по морю, словно по мосту. Загляделся вдовий сын на бегуна.

— Добрый день тебе, Морской Бегун! — поздоровался он.

— Доброго здоровьица, вдовий сын! Куда идешь, куда путь держишь?

— Иду к бабе Карготе сватать ее младшую дочку за царя Постоянца.

— Возьми и меня с собой. Я тебе в беде пригожусь.

— Идем.

Идут они вдвоем. Видят — держит человек одним усом мельницу, что на двадцати жерновах мелет, а другим усом облако в небе подпирает.

— Добрый день тебе, Усач!

— Доброго здоровьица, вдовий сын! Куда идешь, куда путь держишь?

— Иду к бабе Карготе сватать ее младшую дочь за царя Постоянца.

— Возьми и меня с собой.

— Идем.

Пошли они втроем. Шли, шли, видят — пьет человек из озера воду. Целое озеро выпил, а все кричит: «Пить хочется!»

— Добрый день, Водопой!

— Добрый день, вдовий сын! Куда идешь, куда путь держишь?

— Иду к бабе Карготе сватать ее младшую дочь за царя Постоянца.

— Возьми и меня с собой.

— Ладно, иди с нами.

Прошли немного, видят — грызет человек осиновую колоду и все кричит: «Есть хочется!»

— Добрый день, Обжора!

— Добрый день, вдовий сын! Куда идешь, куда путь держишь?

— Иду к бабе Карготе сватать ее младшую дочь за царя Постоянца.

— Возьми и меня с собой.

— Ступай с нами.

Подошли к лесу. Встречают человека в тулупе до пят. Стоит он у дороги да все рукавицами — хлоп, хлоп! И только он хлопнет — враз деревья инеем покрываются.

— Добрый день, Мороз!

— Доброго здоровьица, вдовий сын! Куда идешь, куда путь держишь?

— Иду к бабе Карготе сватать ее младшую дочь за царя Постоянца.

— Без меня тебе с бабой Карготой не сговориться.

— Так иди и ты с нами.

Пошли они вшестером. Шли, шли и подошли ко двору бабы Карготы. Видят — на всех частоколинах головы торчат, только на одной нету. Вдовий сын и говорит:

— Вот тут моя голова торчать будет!

— Может и торчала бы, — усмехаются товарищи, — если б не мы...

Начали они искать ворота. Да нету нигде их. Тогда Морской Бегут оббежал трижды вокруг двора и нашел ворота.

Вошли они на двор. Стоит баба Каргота на крыльце, дивуется, как могли найти ее ворота эти дорожные люди.

Подошел вдовий сын к бабе Карготе:

— Здравствуй хозяюшка!

— Здравствуй, вдовий сын! Ты зачем ко мне явился?

— Пришел сватать твою младшую дочку за царя Постоянца.

— Ну что ж, сватай, коли не шутишь. Но прежде чем дочку сватать — испей пивка из моего погребка. Выпьешь все — выдам дочку за царя Постоянца, а не выпьешь — голову сниму.

— Выпью охотно, — отвечает вдовий сын. — Я с дальней дороги и пить очень хочется. Да и у дружков моих тоже во рту пересохло.

Велела баба слугам отвести вдовьего сына с товарищами в пивной погреб. Отвели их слуги туда и на замок заперли.

Вдовий сын с друзьями пьют кружками, а Водопой целыми бочками глотает. Выпьет бочку, стукнет по ней кулаком — та и рассыпается на клепки. Выпил все бочки да и кричит во всю глотку:

— Баба Каргота, давай еще пива!

Открыла баба Каргота погреб, смотрит — все бочки разбиты, а пиво все выпито!

— Пива у меня, — говорит, — больше нету. А есть пироги. Коль съедите все пироги — будете дочку сватать.

Обрадовались сваты:

— Давай, бабка, свои пироги! Мы с дороги проголодались, крепко есть хочется.

Велела баба слугам открыть другой погреб — с пирогами. Впустила туда сватов. А пирогов-то в погребе целые горы.

Пока другие по пирогу съели, Обжора весь погреб очистил, стену проел и кричит во всю глотку:

— Баба Каргота, подавай еще пирогов!

Разозлилась баба: три года пекла она с дочками пироги, а сваты за час все поели. Велела она тогда слугам натопить железную баню. Слуги так натопили, что аж стены покраснели. Говорит баба сватам:

— Помойтесь в моей баньке, переночуйте, а там и о деле потолкуем.

— Ладно, бабка, мы по дорогам находились, сильно запылились, баня нам не во вред.

Повела баба сватов в баню сама. И только вдовий сын подошел к порогу, а Мороз хвать его за плечо и поставил позади себя. Сам вошел первым, надел рукавицы, махнул раз-другой, и вмиг холодом повеяло. Вошли вслед за Морозом и остальные сваты, а баба закрыла двери и на ключ заперла...

И давай тогда Мороз по бане похаживать, рукавицами помахивать.

— Ну как: не слишком холодно? Можно будет спать не укрываясь?

— Баня что надо, — похваливают товарищи. — Не жаркая, не холодная, как раз в меру.

Помылись и спать улеглись.

Наутро посылает баба Каргота слуг своих в баню:

— Сходите да выкиньте собакам сватов жареных!

Открыли слуги баню, и выходят оттуда шесть молодцев, все крепкие как дубы.

Баба так и обомлела: ничего со сватами поделать не может! Вот и говорит она вдовьему сыну:

— Коль узнаешь мою младшую дочку, то будешь сватать ее за царя Постоянца. А не узнаешь — насажу твою голову на пустую частоколину.

Пригорюнился вдовий сын: «Как же узнать ее, эту младшую дочку?»

— Я узнаю, — шепчет Морской Бегун. — Я их не раз видел, когда приходили они к морю купаться.

— Ладно, — говорит вдовий сын бабе, — веди своих дочек.

Приводит вскоре баба Каргота двенадцать дочерей — все на одно лицо, волос в волос, голос в голос, плечо в плечо, — все как одна! Сама вышла наперед, а дочек сзади поставила.

Обошел вдовий сын бабиных дочек трижды, а какая младшая — не узнал: все одинаковы!

Тут Морской Бегун подмигнул и глазами указал на младшую дочку. Взял ее вдовий сын да и вывел вперед, к бабе Карготе.

— Вот твоя младшая дочь!

Затряслась баба от злости, да ничего не поделаешь: не помогла ей хитрость!

Взял вдовий сын бабину дочку за руку и повел за ворота. Но только они вышли — прыгнула бабина дочка в небо, уселась на облаке и смеется.

Тогда Усач поднял правый ус вверх, подцепил ее да и снял с облака.

Видит бабина дочка — с такими сватами шутки плохи, и успокоилась.

Пошли сваты домой.

По дороге каждый, как только дойдет до того места, где со вдовьим сыном встретился, так и остается. Морской Бегун

занялся своей работой, Усач своей, Водопой своей... А вдовий сын с бабиной дочкой пошли к царю Постоянцу.

Царь натаскал за это время на коне вдовьего сына полную яму смолы и подогревает ее снизу: смола так и кипит. А сверху положил тонкую тростинку.

Приходит к нему вдовий сын.

— Вот, — говорит, — тебе, царь, младшая дочка бабы Карготы: еле высватал! Отдавай теперь назад моего коня.

Показал царь на тростинку и говорит, усмехаясь в однобокую бороду:

— Перейдешь по этому мостику — отдам коня.

Посмотрел вдовий сын на тонкую тростинку — страшно ему стало. А бабина дочка толкает его в бок: «Не бойся!»

И никто не заметил, как сунула она под тростинку крепкий стальной прут.

— Ступай, — говорит вдовьему сыну.

Он и пошел по тростинке. Перешел и говорит царю Постоянцу:

— Вот что, царь: сослужил я тебе две службы. Ну, так сослужи и ты мне хотя бы одну — перейди по этому мостику, что сам проложил.

— Что ж, — уговаривает царя бабина дочка, — перейди, а то не быть тебе мужем моим.

Видит царь, раз вдовий сын перешел, то и ему бояться нечего.

И только он ступил на тростинку, как бабина дочка — дерг! — и вытащила из-под него стальной прут... Надломилась тростинка, и полетел царь в кипящую смолу да там и остался.

— Ну вот, — говорит вдовий сын, — не рой другому яму, сам в нее попадешь.

Женился он на младшей дочке бабы Карготы и остался жить в том царстве.

И теперь живет-поживает да добра наживает.

ЖАДНЫЙ БОГАТЕЙ

Жили два брата: богатый и бедный. Богатый сам ничего не делал, было у него много работников. А бедный удил в озере рыбу — тем и жил.

Справлял раз богатый свадьбу — сына женил. Много собралось у него гостей.

«Пойду-ка и я к брату в гости», — думает бедняк. Взял он взаймы у соседей каравай хлеба, да и пошел на свадьбу.

Пришел и стоит на пороге с хлебом. Увидел его богатый брат:

— Ты чего притащился? У меня тут гости не тебе чета! Убирайся отсюда!

И прогнал его.

Обидно стало бедному брату. Взял он удочку и пошел рыбу ловить. Сел в старый челнок и выплыл на середину озера. Удил, удил — а все мелкая рыбешка попадается. А тут и солнце уже заходит. «Ну, — думает бедный рыбак, — закину на счастье еще разок». Закинул он удочку и вытащил такую рыбину, какой отродясь не видывал: большая да вся серебряная.

Порадовался он дивной рыбине и стал ее в торбу запихивать. А та и говорит вдруг голосом человечьим:

— Не губи меня, добрый человек, отпусти назад в озеро.

Вспомнил рыбак про своих детей и говорит:

— Не могу тебя отпустить — и сам я голодный да и дети давно есть хотят. С чем я домой вернусь?

— Раз ты такой бедный, — говорит рыбина, — то засунь руку мне в рот и вытащи оттуда золотой перстенек.

Подумал рыбак и говорит:

— Боюсь, ты мне еще руку откусишь.

— Не бойся, не откушу!

Осмелел рыбак, сунул руку рыбине в рот и вытащил оттуда золотой перстенек.

— А что мне с ним делать? — спрашивает рыбак. — Ведь он меня не накормит.

— Ничего, — говорит дивная рыбина, — еще как накормит! Выбрось свою мелкую рыбешку из челна и кинь туда перстенек этот.

Так рыбак и сделал. И только бросил он на дно челнока перстенек, как вмиг стала целая куча денег.

Отпустил рыбак рыбину в озеро, а сам к берегу побыстрее поплыл. Снял он на берегу рубаху, сложил в нее деньги и пошел домой.

Зажил теперь бедный брат так, что лучше и не надо. Поставил новую хату и созвал гостей на новоселье. А брата не позвал — не мог простить ему обиды.

Проведал богатый, что его бедный брат новую хату построил и с гостями пирует. Говорит он сыну:

— Ступай погляди, что у него там делается.

Пришел сын, поглядел да и бегом назад.

— Ой, — говорит отцу, — у тебя того нету, что у твоего бедного брата, — и хата новая, и скотины полно, и на столе всего вдосталь!

Богатый так от зависти и почернел. Посылает опять сына, чтоб позвал бедного брата.

Приходит бедный брат к богатому.

— Откуда у тебя столько добра? — спрашивает богатый брат бедного. — Ты, говорят, живешь лучше моего.

Бедняк врать не умел — все и рассказал, как было.

Как услыхал это богатый, так руки у него и зачесались.

«Пойду-ка, — думает, — и я поймаю ту рыбину».

Взял он удочку покрепче, сел в новый челнок да и поплыл на середину озера. Ловил, ловил и выудил-таки дивную рыбину.

— Не губи меня, — просит рыбина, — отпусти назад, у меня там дети малые...

— Нет, голубушка, — заупрямился богатый. — Не пущу! Дай мне такой же перстенек, какой дала ты моему брату.

— Так брат твой был бедный, у него и хлеба не было. А тебе-то зачем?

— Как так зачем? Не хочу, чтоб брат был богаче меня! Давай перстенек и все! А нет — отнесу тебя домой и зажарю.

— Ну что ж, — говорит рыбина. — Бери, коли ты такой уж завистливый. Мне-то что.

Раскрыла она рот. А жадный богатей всунул ей в рот руку по самый локоть. Тут рыбина как придавит зубами — откусила руку и нырнула с ней на дно озера.

Воротился богатый брат домой и без денег, и без руки.

Так ему и надо!

ИВАН УТРЕНИК

Жили муж и жена. Долго не было у них детей, а потом, уже на старости лет, родились сразу три сына: один родился вечером, другой в полночь, а третий ранним утром. И назвали их всех трех Иванами: старшего — Иван Вечерник, среднего — Иван Полуночник, а младшего — Иван Утреник.

Росли братья на лес глядючи. И выросли дюжие, стройные. Только разного нраву: Вечерник был завистливый, Полуночник — злой, а Утреник — не злой, не завистливый, а самый смелый и добрый.

Случилось на ту пору у царя в том царстве несчастье: пропали у него три дочери. Всюду искали их, а найти никто не мог.

И объявил царь повсюду: кто найдет его дочерей — полцарства тому отдаст и дочь, какая приглянется.

Доведались о том братья и стали отца просить, чтоб отпустил их на поиски царских дочерей.

— Ступайте, — говорит отец, — ищите, коли есть охота.

Пошли братья к кузнецу и заказали себе по булаве: Вечерник заказал булаву на шесть пудов, Полуночник — на девять, а Утреник — на двенадцать.

Смеются братья над ним:

— Зачем тебе лишнюю тяжесть таскать?

— Ничего, — говорит младший брат, — запас беды не чинит.

Собрались они да и пошли. Коль идти, так идти — зашли в такие дебри, что и выбраться не могут. Стали братья дорогу себе прокладывать: махнет Вечерник булавой — осины валятся; махнет Полуночник — ели валяться, а махнет Утреник — дубы с корнями выворачиваются.

Проложили они дорогу и вышли на поляну. Видят — стоит на поляне большой дом, каменной стеной обнесен. Подошли они к стене, а в ней железные ворота на замке.

Постучали братья в ворота — никто не открывает.

— Придется, видно, их булавой высаживать, — говорит старший брат.

Размахнулся он, грохнул булавой — только булава погнулась, а ворота ни с места.

— Давай-ка я ударю, — говорит средний брат.

Стукнул он своей булавой — ворота только вогнулись.

— Ну, теперь я попробую, — говорит младший брат.

Размахнулся он да как стукнул, что ворота на две створки и разлетелись.

Старшие братья только губы прикусили, а младший смеется:

— А не говорил ли я, что запас беды не чинит!

Вошли они во двор — никого не видать, а богатства кругом, как у пана: в амбарах зерна полным-полно, а в хлевах — коров и волов.

У Вечерника так глаза и разгорелись.

— Коли так, — говорит он, — то мы будем тут хозяевами. К чему нам теперь эти царевны?

Зашли они в дом, переночевали. Наутро уговорились, что один останется обед варить, а двое пойдут на охоту.

Остался в первый день старший брат. Зарезал он вола, разобрал мясо на куски, положил в котел и стал варить. Сварил и лег отдыхать, ждет братьев своих.

Вдруг кто-то в двери — стук, стук!

— Отворяй! — кричит.

Глянул Вечерник в окно, видит — стоит у дверей седенький дедок: сам с ноготок, борода с локоть, глаза как яблоки. Железными толкачами постукивает, проволочным кнутом пощелкивает.

— Кто ты такой? — спрашивает Вечерник.

— Хозяин этого дома. Коль не откроешь, я толкачом двери высажу!

Испугался Вечерник, открыл.

— Теперь перенеси меня через порог! — велит дедок.

Вечерник пересадил дедка через порог.

— Посади на лавку!

Вечерник посадил его на лавку.

— Подавай сюда котел с волом!

Вечерник отказывается:

— Не могу, — говорит, — жду братьев к обеду.

Дедок злобно защелкал проволочным кнутом:

— Как это так — не могу! Вы в моем доме живете, добром моим пользуетесь, а меня накормить жалеете!

«Ну что ж, — думает Вечерник, — пусть похлебает юшки, много ли ему надо».

Поставил он перед дедком котел, а тот как набросился на вола — всего съел да и юшку всю похлебал. Наелся и давай Вечерника толкачами толочь, проволочным кнутом стегать! Избил до полусмерти, а сам исчез.

Пришел в себя Вечерник, кое-как дотащился до постели и лежит — еле дышит.

Вернулись братья с охоты.

— Давай обед, — говорят.

— Ничего нету... — стонет Вечерник.

— Почему ж ты не наварил?

Стыдно Вечернику признаться, что отдубасил его какой-то дедок, он и говорит:

— Да неможется мне что-то...

Ничего не поделаешь — пришлось младшим братьям обед варить: зарезали они вола, разобрали мясо на куски и сварили. Сами наелись и брата накормили.

На другой день остался дома Полуночник. Сделал он все что надо и лег отдыхать. Вдруг кто-то в двери стучит.

— Кто там? — спрашивает Полуночник.

— Хозяин.

Он открыл, глядь — тащится седенький дедок: сам с ноготок, борода с локоть, глаза как яблоки; железными толкачами постукивает, проволочным кнутом пощелкивает.

— Перенеси меня через порог! — кричит дедок.

Испугался Полуночник лупоглазого дедка, перенес его через порог.

— А теперь посади на лавку!

Посадил и на лавку.

— Дай попить и поесть!

«Ну что ж, — думает Полуночник, — пускай похлебает немного юшки, сколько там ему надо».

Поставил он перед дедком котел. А дедок все поел, избил Полуночника до полусмерти и под лавку бросил.

Воротились братья с охоты, опять нечего есть. А Полуночник стонет:

— Занедужил я, братцы...

Вечерник молчит, а Утреник и говорит:

— Что это за болезнь такая на вас напала? Коли будете так хворать, мы тут с голоду пропадем.

На третий день остался дома младший брат — Иван Утреник.

Сделал он все что надо, лег отдыхать, пока братья с охоты вернутся.

Вдруг кто-то стучит в дверь:

— Открой!

Не хотелось Утренику подыматься.

— Дверь не заперта, — отвечает он, — сам открывай!

Пришлось дедку самому открыть. Как увидел его Утреник, так со смеху и прыснул:

— Сколько, — говорит, — живу на свете, а такого забавного деда не видывал!

Разгневался дедок и как кинется на Утреника с толкачами!

— Ах, ты так! — говорит Утреник. — Не на того наскочил!

Схватил он булаву и давай дедка дубасить. Избил его, толкачи и кнут отобрал, а самого затащил в лес, расщепил там пень, всадил бороду в расщеп, клином заклинил и пошел назад.

Воротились братья с охоты.

— Ну что, сварил обед?

— Сварил, — отвечает Утреник.

Поставил он котел на стол. Наелись братья и спрашивают:

— А не приходил к тебе, чего доброго, лупоглазый дедок?

— Приходил.

— Ну и что?

— Ничего. Я бороду ему в пень заклинил, чтобы больше сюда не ходил.

— Не может этого быть! — удивляются братья.

— Пойдемте, покажу.

Пошли они ко пню, а там одна только борода торчит...

— Вот черт лупоглазый, вырвался! — говорит Утреник. — Надо его найти, а то он опять будет к нам таскаться.

Пошли его искать. Шли, шли по следу и подошли к большому камню. Сдвинули камень, а под ним нора, да такая глубокая, что и дна не видать.

— Надо его оттуда выманить и добить, — говорит старший брат. — А то нам в этом доме житья не будет.

— И то правда, — согласился средний брат, вспомнив, как избил его дедок своими толкачами.

Сделали братья длинный ремень из воловьих шкур, привязали к нему корзину и стали советоваться, кому из них спускаться в нору.

Старший говорит:

— Мне что-то неможется, я не полезу.

Средний тоже отказывается.

— Ну, ежели вы такие хворые, то я полезу, — говорит младший брат. — Спускайте меня да смотрите: как дерну за ремень — тащите назад.

Спустили его братья вниз, и очутился Иван Утреник под землею.

«Где же тут черта этого искать?» — думает он. Осмотрелся, видит — стоит поблизости медный дворец. Иван вошел во дворец, а там сидит девушка, измученная да печальная, слезами заливается. Жаль стало Ивану девушку.

— Чего ты, сестрица, плачешь? — спрашивает.

— Да как же мне не плакать: была я царская дочь, а теперь невольницей стала злого Кащея...

Начал Иван Утреник утешать царевну:

— Потерпи маленько, я тебя вызволю!

— Ох, — вздыхает царевна, — уж никто меня не вызволит — злой Кащей с любым богатырем справится. Беги, хлопец, а то он скоро домой вернется.

— Никуда я не уйду, пока злого Кащея со свету не сживу! Где он?

— Кто его знает: может, в серебряном дворце, может, в золотом, а может, где по свету летает.

— А где твои сестры?

— Средняя живет недалече, в серебряном дворце, а младшая чуть подальше, в золотом.

Пошел Иван к средней сестре, в серебряный дворец — и там нету Кащея: одна царевна сидит, слезами заливается. Поговорил он с царевной, утешил ее, как мог, и пошел к младшей сестре — в золотой дворец. Осмотрел дворец — никого нету. Вдруг видит — сидит в малой светелке девушка с русыми косами. Загляделся на нее Иван.

— Ты кто будешь, красавица? — спрашивает.

— Была я царская дочь, а теперь вот невольница поганого Кащея. А ты кто?

— Крестьянский сын Иван Утреник.

— А зачем ты сюда пришел, крестьянский сын Иван Утреник?

— Я пришел Кащея убить и тебя из неволи вызволить.

Царевна тяжко вздохнула:

— Ой, добрый молодец, никто не может Кащея убить, ведь он бессмертный. Вот если бы его смерть найти, тогда бы он и сам околел.

— А где ж его смерть?

— Слышала я, — говорит царевна, — что есть на дне моря сундук, в сундуке — заяц, в зайце — утка, а в утке — яйцо. Вот это и есть его смерть.

— Спасибо, родная! — говорит Иван. — Жди меня здесь — пойду искать Кащееву смерть.

Выбрал он себе во дворце самый лучший Кащеев лук и пошел. Шел, шел и есть ему захотелось. Глядь — коршун летит. «Убью, — думает, — этого коршуна, раз ничего другого не нашлось». Нацелился он в коршуна, а тот говорит ему голосом человечьим:

— Не бей меня, Иван Утреник, я тебе еще в беде пригожусь.

Опустил Иван лук, пошел дальше. А есть ему так хочется, прямо голову кружит. «Ну, — думает, — теперь кто бы не встретился — убью».

Только он так подумал, видит — бежит волк. Поднял Иван лук, а волк и говорит:

— Не бей меня, Иван Утреник, я тебе в беде еще пригожусь.

Пошел Иван дальше. Приходит он к морю. Смотрит — лежит огромный рак: одна половина на берегу, другая — в море. Подумал Иван: «Вот где неплохая еда валяется». И только он нагнулся к раку, чтоб оторвать клешню, как тот начал просить:

— Не трогай меня, Иван Утреник. Видишь, я мучаюсь: одна половина на берегу лежит, а другая в море плавает. Возьми лучше кол да столкни меня в море. Я тебе за это что хочешь сделаю.

Иван послушал его, нашел кол и столкнул рака в море.

Глотнул рак воды, обрадовался и говорит Ивану:

— А теперь, добрый хлопец, скажи, что ты хотел бы: я все сделаю.

Иван говорит:

— Есть в море сундук, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо: это смерть злого Кащея. Она мне и нужна.

— Жди тут, я достану тебе этот сундук, — сказал рак и нырнул на дно моря.

Нашел там сундук и выбросил его на берег.

Взял Иван сундук, разбил замки. И только открыл он крышку, как выскочил оттуда заяц и помчался по берегу моря.

Иван так за голову и схватился:

— Что ж я наделал? Вот бы теперь сюда того волка!

И только он это вымолвил, глядь — бежит волк. Поймал волк зайца и разорвал его на куски. Выскочила из зайца утка и полетела на море.

Опять Иван пригорюнился:

— Вот был бы теперь здесь тот коршун, он бы утку эту поймал!

Не успел он это вымолвить — откуда ни возьмись коршун над морем. Схватил он утку, принес ее на берег и разорвал на куски. Выпало из утки яйцо. Взял Иван то яйцо, положил себе в карман и пошел назад.

Приходит он в золотой дворец. Смотрит — сидит там знакомый ему седой дедок — сам с ноготок, глаза как яблоки, а без бороды. Как увидел он Ивана, так и затрясся от злости:

— Вот кого я давненько жду! Из-за тебя я без бороды остался! Ну, теперь ты от меня не уйдешь! Хотя ты и силен, да нету на свете сильнее меня.

Схватил лупоглазый Кащей свои толкачи и кинулся на Ивана. А тот — бац ему в лоб яйцом! У Кащея толкачи так из рук и выпали. Упал он — и поганый дух из него вон...

Сжег Иван злого Кащея, а пепел по ветру развеял. И пошел к царевне.

— Спасибо тебе, — говорит ей, — что ты помогла мне эту нечистую силу со свету сжить. За это отведу я тебя к отцу-матери.

Обняла царевна Ивана, поцеловала:

— А я за это замуж за тебя пойду. Ни за кого не пойду, только за тебя.

— Ну смотри ж, чтоб слово сдержала!

Собрались они и пошли. Отошли немного, Иван оглянулся назад, посмотрел на дворец:

— Эх, жалко бросать столько золота: оно бы и дома нам пригодилось.

Тогда царевна вынула платочек, дала ему.

— Махни, — говорит, — этим платочком трижды слева направо.

Махнул Иван платочком, и вмиг весь дворец в золотое яйцо свернулся. Удивляется Иван, а царевна и говорит:

— Коль захочешь опять иметь такой дворец, то махни трижды этим платочком справа налево...

Положил Иван платочек и яйцо в карман, и пошли они дальше, к серебряному дворцу. Взяли с собой среднюю царскую дочь. Иван и ее дворец положил в карман. Дошли они до медного дворца — забрали старшую дочь, а Иван и медный дворец положил себе в карман. «Запас беды не чинит», — думает.

Подошли они к норе, через которую Иван в Кащеево царство спускался. Посадил он старшую царевну в корзину и дернул за ремень — корзина вверх и поднялась.

— Молодцы мои братья, — радуется Иван, — ждут меня там!

Подняли они так вот еще двух сестер. Подошел черед Ивану Утренику. А завистливый Вечерник и говорит брату:

— Зачем нам Утреник? Как узнает царь, что он его дочек вызволил, отдаст ему полцарства и самую красивую дочь в жены. А нам что достанется? Лучше скажем, что это, мол, я его дочек вызволил, а ты помогал. Ну, а с тобой я поделюсь по-братски.

Уговорились они так и оставили меньшого брата под землей.

Ждал, ждал Иван Утреник корзину, да так и не дождался. «Вот тебе и братья, — думает Иван. — Изменники, а не братья!»

Погоревал он и пошел бродить по подземному царству. Идет и идет, а тут вдруг такая буря поднялась, что хоть пропадай. Спрятался он под густой дуб. Стоит там и вдруг слышит — пищат на дубе в гнезде птенчики: дождь с градом так и бьет их!

Пожалел Иван птенчиков. Взобрался на дуб и накрыл их своей свиткою. И только он собрался слезть назад, вдруг слышит — что-то наверху шумит, аж ветер на семь верст свистит.

Подлетает к гнезду лазоревая птица Нагай, заметила, что Иван прикрыл ее гнездо от града, и говорит ему:

— Не знаю, добрый человек, как мне тебя и отблагодарить за то, что ты детей моих от смерти спас.

— Вынеси меня, — говорит Иван, — на нашу землю.

— Охотно вынесу. Только достань мне бочку воловьего мяса да бочку воды родниковой. Знаешь, мне часто придется по пути подкрепляться, ты ведь нелегкий!..

— А где же мне достать все это?

— Ступай за огненную реку. Живет там слепой дед. У него много волов.

Направился Иван к слепому деду. Говорит дед:

— Дам тебе, хлопец, бочку мяса и бочку воды родниковой, только попаси одно лето моих волов. А то я слепой, мне трудно за ними бегать.

Иван согласился и остался у слепого деда пастухом.

— Всюду паси их, — говорит дед, — только на луг старой ведьмы бабы Яги не гоняй, а то она погубит тебя... Я погнал раз волов к ней на луг, а она мне за это глаза выколола. Тридцать лет не вижу я света белого.

— Ничего, — говорит Иван, — как-нибудь и с ведьмой управимся.

Ссучил он себе проволочный кнут, взял булаву и погнал дедовых волов на ведьмин луг.

Только он их пригнал, вдруг видит — мчится баба Яга в ступе, толкачом погоняет, метлой след заметает.

— Кто это тебе дозволил, — кричит баба Яга, — волов на моем лугу пасти? Вот я тебе сейчас глаза выколю, ты и луга моего и свету белого больше не увидишь!

Замахнулась ведьма железным толкачом и кинулась на Ивана. А Иван как хлестнет ее проволочным кнутом, как огреет булавой — так у ведьмы у самой глаза на лоб полезли. Бил, бил Иван ведьму, пока она пощады просить не стала.

— Верни, — говорит ей Иван, — деду глаза, тогда отпущу тебя.

— Верну, только отпусти. В моей избушке стоят две склянки: с целящей и живою водой. Ты возьми их, помажь деду глаза — он и прозреет.

— Нет, — говорит Иван, — я не верю тебе — ты обманешь. Идем вместе.

Взяли они те скляночки да и пошли к деду. Помазал Иван деду глаза целящей водою — выросли у деда новые глаза; помазал живою — стали они видеть.

Дед так обрадовался, что не знает, как и благодарить Ивана.

— Забирай, — говорит, — хоть половину моих волов и ступай куда тебе надобно. Я уж сам теперь буду пасти.

— А если ведьма опять тебе глаза выколет?

Дед испугался:

— Может и выколоть: она баба скверная! Ведь это жена самого Кащея!

— Ах так! — говорит Иван. — Тогда я сделаю с ней то же, что и с Кащеем.

Добил он бабу Ягу, сжег ее, а пепел по ветру развеял. Потом зарезал двух волов, наложил в бочку мяса, в другую налил воды родниковой и пошел к птице Нагай.

— Подвяжи, — говорит птица, — бочку с мясом мне под правое крыло, а с водой — под левое. А сам садись ко мне на спину. Да смотри: как только я поверну голову направо — бросай мне кусок мяса, а как поверну налево — давай мне ковш воды.

Сделал Иван все, как птица сказала, сел и полетел.

Мчит Ивана птица Нагай вверх по темной норе, а он только успевает кормить ее свежей говядиной, родниковой водой поить.

Бросал он ей мясо, бросал и все наконец перебросал. Поворачивает птица голову направо, а Иван дает ей вместо мяса ковш воды. «Нет, — крутит она головой, — не хочу воды, ты мне мяса подавай!»

Видит Иван — задыхается птица Нагай, а уже и до верху-то недалеко, даже небо светится.

«Что делать?» — думает Иван. Взял он нож, отрезал кусок мякоти со своей правой ноги и кинул птице. Проглотила птица, только поглядела с удивленьем на Ивана. Потом повернула голову налево и запила водой родниковой.

Пролетела она немного и опять стала задыхаться. Тут Иван, не долго думая, отрезал кусок мякоти с левой ноги. Запила птица водой и — вылетела на белый свет.

— Ну, выбрались кое-как, — говорит птица Нагай. — Слезай теперь на землю.

— Не могу, — говорит Иван.

— Почему?

— Да видишь, ноги-то у меня какие...

Посмотрела птица Нагай — и правда: ноги у Ивана израненные...

— Я вижу, — говорит она, — последние куски не такие были. Ну ладно, теперь они мне не нужны.

Кашлянула птица раз — выплюнула один кусок, кашлянула еще раз — выплюнула второй. Взял их Иван, приложил на место, окропил целящей водой — они приросли; окропил их живою — стали опять такими, как были.

Поблагодарил он добрую птицу и двинулся в путь-дорогу. Дошел до того города, где жил царь, и попросился переночевать у одной старушки.

Наутро посылает Иван старушку в город узнать, не слышно ли там каких новостей. Пошла старушка в царскую столицу, все там разузнала, вернулась и рассказывает:

— Добрые вести в городе: нашлись, говорят, царские дочки. Там теперь по всем улицам музыканты играют, скоморохи песни распевают.

— А кто же нашел царских дочек? — спрашивает Иван.

— Богатырь Иван Вечерник. Царь отдает ему за это полцарства и младшую дочку в жены. Через три дня свадьба будет.

Пригорюнился Иван Утреник: ужли, думает, царевна о нем забыла?

На другой день посылает он опять старуху в город новости послушать. Воротилась она и рассказывает:

— Слыхала я, хлопец, новые новины: свадьба будет тогда, когда найдется человек, что сумеет сшить такие черевички, какие царевна в Кащеевом царстве носила. Такова воля самой царевны.

Услыхал об этом Иван, начал просить старуху:

— Сходи, бабка, к царю да скажи, что ты можешь сшить такие черевички.

— Да что ты, хлопец, выдумал? Уж где мне пошить такие черевички!

— А ты, бабка, только заказ возьми, а я сам их сошью.

Пошла старуха к царю:

— Я, — говорит, — берусь пошить царевне черевички.

— Хорошо, — согласился царь. — Коль сошьешь и дочке они понравятся, я тебя озолочу.

Дал ей царь сто рублей задатку и сказал, чтобы за три дня работа была сделана. Приносит старуха Ивану заказ на черевички и задаток.

— Только смотри не подведи меня!

— Не подведу, бабка, не бойся.

Прошел первый день, а сапожник и не думает за работу приниматься. Второй день тоже ничего не делает. Старушка чуть не плачет:

— Что ты себе думаешь, хлопче? Почему черевички не шьешь? Что я царю скажу?

— Не кручинься, бабка. Завтра не успеет и солнце взойти, как черевички будут готовы — вставай да неси!

Вечером вышел Иван в поле, положил золотое яйцо на землю, махнул трижды платочком справа налево, и встал перед ним золотой дворец. Нашел он там царевнины черевички, потом махнул трижды платочком слева направо: дворец снова в яйцо свернулся.

Принес Иван черевички и поставил на стол.

Просыпается поутру старушка, глядь — стоят на столе золотые черевички. Взяла она их и — к царю.

Признала царевна свои черевички, обрадовалась.

— Кто их сшил? — спрашивает она у старушки. — Это не ты шила!

Испугалась старуха и говорит:

— А сшил их один молодой сапожник.

— Хочу увидеть этого сапожника! — пожелала царевна.

Царю, конечно, недолго: послал карету и привезли во дворец сапожника.

Как увидела царевна Ивана Утреника, так и бросилась к нему.

— Вот кто, — говорит, — меня и сестер моих вызволил! За него я и замуж пойду.

Отписал тогда царь Ивану полцарства и велел свадьбу справлять.

Всех созвал Иван на свадьбу — отца с матерью, свояков, старую старушку, только старших братьев не пригласил...

И я там был, мед-вино пил, по усам текло, а в рот не попало. Дали мне там синий кафтан. Бегу на радостях домой, а какой-то дурак кричит: «Синь кафтан! Синь кафтан!» Мне почудилось: «Скинь кафтан! Скинь кафтан!» Я взял да и скинул. Прибежал домой и свой белый надел. Вот теперь в нем и хожу.

ЗОЛОТАЯ ЯБЛОНЬКА

Жил дед с бабой. И были у них дочки — дедова дочка и бабина дочка. Дедову дочку звали Галя, а бабину — Юля.

Баба дочку свою родную любила да холила, а дедову в черном теле держала, все старалась ее со свету сжить.

Пошел раз дед на ярмарку, купил бычка-третьячка. Привел домой и говорит дочкам:

— Будете пасти его по очереди — одна день и другая день.

Погнала в первый день бычка на пастбище дедова дочка. Злая мачеха дала ей веретено и мешок кудели.

— Смотри, — говорит, — чтоб за день всю кудель спряла, холсты наткала, полотно выбелила, а вечером домой принесла. А не сделаешь — не жить тебе на свете.

Вывела Галя бычка из хлева, погладила его по шее и погнала на пастбище. Гонит, а сама горькими слезами заливается.

Бычок спрашивает:

— Девка-девица, русая косица, ты чего плачешь?

— Да как же мне, бычок, не плакать? Загадала мне мачеха этот мешок кудели спрясть, холсты наткать, полотно выбелить да вечером домой принести... Разве ж я за день с такою работой управлюсь?

— Не плачь, — говорит бычок, — гони меня на шелковую травушку, на свежую росицу. Наелся бык, напасся, а потом и говорит:

— А теперь положи мне в правое ухо кудель и веретено. А сама дохни в левое ухо и смотри, что будет.

Положила Галя бычку в правое ухо кудель и веретено, дохнула в левое ухо и смотрит. А там и кудель уже прядется, и холсты ткутся, и полотно белится и в скаток скатывается...

Когда все было сделано, вынула Галя готовый кусок полотна и веселая погнала бычка домой.

Злая мачеха встречает ее на дворе:

— Ну что, спряла кудель?

— Спряла, — говорит Галя и показывает готовый кусок полотна.

Мачеха так за голову и схватилась: такую работу сделала ее падчерица! А тут и соседки пришли, смотрят, какое тонкое полотно выткала Галя. Все хвалят ее, не нахвалятся.

Пришел черед гнать бычка бабиной дочке Юле. Дала ей мать веретено и полмешка кудели.

— Спряди, — говорит, — доченька, эту кудель, да натки полотна еще лучшего, чем наткала твоя сводная сестра. Хочу, чтоб тебя люди хвалили, а не ее.

Взяла Юля толстую палку и погнала бычка. Гонит да все бьет его палкой. Начал бычок из стороны в сторону кидаться, а Юля за ним бегает, клянет его на чем свет стоит. Бегала, бегала и веретено потеряла.

Пригнала она бычка кое-как на голый выгон, положила кудель, а сама спать завалилась. Бычок раскидал кудель ногами и в грязь втоптал.

Просыпается под вечер Юля, смотрит — кудель в грязь втоптана... Схватила она палку и давай бычка бить. Побежал бычок домой, и она за ним с криком.

Дома мать спрашивает ее:

— Ну, как, доченька, сделала работу?

— Да нет, — говорит.

— Почему?

— Бычок виноват. Из-за него я и веретено потеряла, а потом еще и кудель мою в грязь он втоптал.

Обозлилась мачеха на бычка. Пошла к деду и говорит:

— Зарежь, дед, бычка!

— Ты что, одурела, баба? — удивился дед. — Зачем нам резать его?

— Коли не зарежешь, то я тебя выгоню заодно с твоей дочкою!

Ничего не поделаешь, согласился дед зарезать бычка.

Услыхала это Галя, побежала к бычку в хлев, обняла его за шею и залилась слезами.

— Девка-девица, русая косица, чего ты плачешь? — спрашивает бычок.

Рассказала ему Галя, что задумала сделать злая мачеха.

— Не плачь, девка, — говорит бычок. — Лучше послушай, что я тебе скажу. Как зарежут меня, возьми мою печень и найдешь в ней золотое зернышко. Посади то зернышко в саду возле хаты. Вот и все.

Галя так и сделала, как сказал ей бычок.

И выросла из зернышка яблонька с золотыми яблоками,

Кто идет или едет мимо сада — все любуются золотою яблонькой.

Ехал раз с войны молодой пригожий гусар. Увидал яблоньку и остановился.

Протянул к ней руку, чтоб сорвать золотое яблоко. А яблонька — дзинь, дзинь! — и поднялась вверх.

Опустил гусар руку — стала яблонька опять на прежнее место.

Увидела это в окно Галя и говорит мачехе:

— Пойду я сорву этому пригожему гусару яблочко.

А мачеха как затопает на нее, как закричит:

— Я тебе голову оторву!

Схватила она Галю и посадила ее под корыто, а в сад Юлю послала: пускай, думает, лучше родная дочка сорвет этому гусару яблоко, может, он в нее влюбится.

Подошла Юля к яблоньке, а та — дзинь, дзинь! — и поднялась вверх.

Разозлилась Юля на яблоньку, начала ее бранить дурными словами.

А тут как раз гулял по двору петушок. Вскочил он на плетень и закукарекал:

— Ку-ка-ре-ку-у! Дедова дочка под корытом спрятана, а бабина хочет яблоки ее сорвать да замуж выйти за пана.

Услыхал это гусар, слез с коня и пошел в хату. Нашел там под корытом дедову дочку. Как глянул он на нее, так и глаз не может оторвать — очень она ему понравилась.

— Девка-девица, — позвал ее гусар, — сорви-ка мне золотое яблоко на память со своей яблоньки.

Подошла Галя к яблоньке — и все яблоки упали к ее ногам.

Собрала она их в подол, поднесла гусару. Подхватил ее гусар, усадил на коня рядом с собой и повез к своим родным.

Сыграли они дома свадьбу и стали жить-поживать в мире да согласии. Родился у них сын, да такой пригожий, что отец с матерью не налюбуются им.

А тем временем злая мачеха не спит от зависти, что гусар не ее дочку, а дедову замуж взял. И все думает, как бы ее со свету сжить.

Однажды говорит она свой дочке:

— Сходи-ка ты, доченька, к сестре в гости. Позови ее с собой купаться да утопи...

Юля послушалась, пошла к сестре в гости. Подговорила ее купаться. А на речке и говорит ей:

— Садись, сестрица, на мостки, я тебе плечи помою.

Села Галя на мостки, а Юля столкнула ее в воду и домой убежала.

Ждут дома Галю — нету. Малый сын плачет, никто утешить его не может. Взяла его нянька на руки и пошла вдоль речки, кликая:

— Галя, Галюся, сынок твой плачет, есть хочет! Куры спят, гуси спят, один он не спит, матушки ждет не дождется...

И слышит она голос из воды:

— Ой, тяжко мне выйти к сыну: камень ноги подбивает, вода очи заливает...

Услыхал сынок материн голос и еще пуще заплакал.

— Ой, иду, сынок, ой, бегу, — откликается мать. — Слышать плач твой, сынок, не могу.

Вышла мать из воды, накормила сына — он и уснул. А сама назад ушла.

Воротилась нянька домой, рассказала, что было возле речки.

Наутро взял сам отец золотое яблоко и сына и пошел на речку. Подошел к берегу и кличет:

— Галя, Галюся, твой сыночек плачет, есть хочет. Куры спят, гуси спят, один он не уснет, тебя ждет не дождется.

Услыхала мать голос сына и отвечает:

— Ой, иду, сынок, ой, бегу; слышать твой плач, сынок, не могу.

Вышла она на берег, накормила сына — он и уснул.

Тогда муж вынул из кармана золотое яблоко и подал жене. И только надкусила она золотое яблоко — вмиг очнулась.

Обрадовался муж, привел ее домой. И стали они опять жить-поживать хорошо да счастливо.

А злую мачеху с ее дочкой больше к себе и на порог не пускали.

МУЗЫКАНТ-ЧАРОДЕЙ

Жил как-то на свете музыкант. Начал он играть еще с малых лет. Пасет, бывало, волов, срежет лозину, сделает себе дудочку и как заиграет, так волы и перестанут щипать траву — насторожат уши и слушают. Птички в лесу притихнут, даже лягушки по болотам не квакают.

Поедет в ночное — там весело: хлопцы и девчата поют, шутят — известное дело, молодость. Ночь теплая, так и парит. Красота.

А тут возьмет музыкант да и заиграет на своей дудочке. Все хлопцы и девчата мигом, как по команде, утихнут. И каждому тогда кажется, будто сладость какая-то пролилась ему на сердце, какая-то неведомая сила подхватила его и несет все выше и выше — в чистое небо к ясным звездам.

Сидят ночные пастухи, не шелохнутся, позабыли, что болят натруженные за день руки и ноги, что голод донимает.

Сидят и слушают.

И хочется сидеть так вот всю жизнь и слушать игру музыканта.

Умолкнет дудочка, но никто не посмеет и с места сдвинуться, чтобы не спугнуть этого волшебного голоса, что рассыпался щёкотом по лесу, по дубраве и подымается под самое небо.

Опять заиграет дудочка, но что-то печальное. И тут такая тоска-грусть всех охватит... Идут поздней порой с панщины мужики и бабы, услышат ту музыку, остановятся, заслушаются. Вот так и встает перед глазами вся их жизнь — бедность и горесть, злой пан да тиун с приказчиками. И такая тоска на них нападет, что голосить хочется, как над покойником, будто сыновей в солдаты провожают.

Но вот заиграет музыкант веселое. Побросают мужики и бабы косы, грабли, вилы, подбоченятся и давай плясать.

Пляшут люди, пляшут лошади, пляшут деревья в дубраве, пляшут звезды, пляшут облачка — все пляшет и веселится.

Вот такой был музыкант-чародей: что захочет, то с сердцем и сделает.

Подрос музыкант, смастерил себе скрипочку и пошел ходить по свету. Куда придет — поиграет, накормят его за это, напоят, как самого желанного гостя, да еще на дорогу дадут что-нибудь.

Долго ходил так по свету музыкант, веселил добрых людей, злым панам без ножа сердце резал: куда ни придет он, перестают там люди панов слушаться. И стал он им поперек дороги, как кость в горле.

Надумали паны его со свету сжить. Начали подговаривать одного, другого, чтоб музыканта убить или утопить. Да не нашлось такого охотника: простые люди любили музыканта, а приказчики боялись — думали, что он волшебник.

Сговорились тогда паны с чертями. А известно: паны и черти одной шерсти.

Идет раз музыкант по лесу, а черти наслали на него двенадцать голодных волков. Загородили они музыканту дорогу, стоят, зубами щелкают, глаза горячими угольками горят. Нету ничего у музыканта в руках, только скрипка в котомке. «Ну, — думает, — конец мне пришел».

Достал музыкант из котомки скрипку, чтобы еще раз поиграть перед смертью, прислонился к дереву и провел смычком по струнам.

Как живая заговорила скрипочка, пошел по лесу щекот. Замерли кусты и деревья — листик не шелохнется. А волки как стояли, разинув пасти, так и застыли.

Слушают во все уши и голод забыли.

Перестал музыкант играть, а волки, как сонные, в лес потянулись.

Пошел музыкант дальше. Солнышко уже за лес закатилось, только светится на самых макушках, будто золотыми потоками их заливает. Так тихо, что хоть мак сей.

Сел музыкант на речном берегу, достал из котомки скрипку и заиграл. Да так хорошо, что заслушались и земля, и небо. А когда заиграл полечку, все кругом пошло в пляс. Звезды носятся, как зимой метелица, тучки плавают по небу, а рыба так разгулялась, что река кипит, как вода в горшке.

Не выдержал и водяной царь — в пляс пустился. Да так разошелся, что вода залила берега; испугались черти и выско-

чили из речных затонов. Все злющие, зубами скрежещут, а ничего с музыкантом поделать не могут.

СОЛДАТ ИВАНКА

Прослужил солдат Иванка двадцать пять лет, выслужил синий билет[1] и пошел домой. Было у него денег всего три копейки. Был солдат человек добрый, последним поделится.

Вот идет он, идет, летит навстречу жучок:

— Здравствуй, солдат!

— Здравствуй, жучок!

— Отслужил ты, солдат, двадцать пять лет?

— Отслужил.

— Выслужил синий билет да три копейки деньгами?

— Выслужил.

— Дай мне копейку! Я тебе в беде помогу.

Добрый солдат взял да и отдал ему копейку. Подхватил жучок копейку и полетел своею дорогой.

Идет солдат, а сам думает: «Ничего, у меня еще две копейки осталось: на одну чарку водки выпью, на другую махорки куплю».

Только он так подумал, глядь — мышка бежит:

— Здравствуй, солдат!

— Здравствуй, мышка!

— Отслужил ты, солдат, двадцать пять лет?

— Отслужил.

— Выслужил синий билет да три копейки деньгами?

— Выслужил.

— Дал копейку жучку?

— Дал.

— Дай и мне копейку! Я тебе в беде пригожусь.

Добрый солдат дал и мышке копейку. Схватила мышка копейку и в норку потащила. «Ну что ж, — думает солдат, идучи дальше, — пить не буду, куплю на последнюю копейку махорки и так дойду». Только он это подумал, глядь — из-под мостика рак ползет:

— Здорово, солдат!

— Здорово, рак!

— Отслужил ты, солдат, двадцать пять лет?

— Отслужил.

[1] Синий билет — свидетельство об увольнении с военной службы. В прежнее время срок службы в солдатах был двадцать пять лет.

— Выслужил синий билет да три копейки деньгами?

— Выслужил.

— Дай мне одну копейку. Я тебе в беде пригожусь.

Отдал солдат и последнюю копейку, а сам пошел дальше.

Приходит в столицу. Видит — у царского дворца народу полно. Одни на трубах да на скрипках играют, другие веселые песни распевают, третьи всякие фокусы показывают. Особенно старается какой-то королевич с перьями на шляпе, всех расталкивает, сам наперед рвется.

— Что тут такое? — спрашивает солдат Иванка у царского слуги.

— Да вот, — отвечает слуга, — дело-то какое: есть у царя одна-единственная дочка, она отродясь еще не смеялась, и никто не может ее рассмешить. А царь объявил, что тот, кто ее рассмешит, станет ее мужем.

Солдат рахрабрился, усы подкрутил и начал поближе ко дворцу пробираться: «Может, — думает, — мне удастся ее рассмешить».

— Ты куда, грязный солдат, прешь? — крикнул на него королевич с перьями на шляпе. — Тут и без тебя женихов хватит!

Схватил он его за шиворот и оттолкнул прочь. Солдат споткнулся да и бухнулся в грязную лужу — только что перед этим большой дождь прошел.

Поднялся солдат мокрый, измазанный, вся шинелишка в грязи. «Вот так беда, — думает. — Как же теперь обсушиться? Эх, кабы здесь были жучок, мышка и рак, пожалуй, они в беде мне помогли бы!» Только он так подумал, как вмиг явились перед ним жучок, мышка и рак.

— Ну что у тебя, солдат, за беда? — спрашивают.

— Да вот, сами видите, — отвечает солдат.

— Снимай свою шинелишку!

Солдат снял. Жучок, мышка и рак подхватили шинель и потащили на речку.

Увидела это царская дочь из дворца — загляделась: что за комедия?

Помыли солдатские помощники шинель и потащили сушить ее на берег. Рак стал на шейку, поднял вверх клешни, а жучок с мышкой и повесили на них шинель. Рак не выстоял — упал в грязь вместе с шинелью... Потащили они опять шинель в речку мыть. Вымыли и опять на рачьих клешнях развесили. Мышка выкручивает, а жучок вокруг летает да крылышками помахивает, ветерок нагоняет, чтоб скорее сохла.

Царевна смотрела, смотрела на все это да и рассмеялась. Приходит к отцу и говорит:

— Никто из князей, королей и генералов меня не рассмешил, а рассмешил вот простой солдат. За него я и замуж пойду.

Хоть царь и не рад, что будет его зятем простой солдат, но ничего не поделаешь.

И стал солдат мужем царской дочери, а жить во дворце не хочет.

— Я ко дворцам, — говорит, — непривычный: буду жить в простой хате. Ты мне, женка, только солдатских харчей сюда присылай да махорки побольше.

Поставили ему в царском саду простую хату, вот и остался он там жить. Живет и беды не знает.

Тем временем королевич с перьями на шляпе сам стал королем, но никак не может забыть, что царская дочь вышла не за него, а за простого солдата. Собрал он свое войско и пошел на царя войной.

Посылает царь дочь за солдатом — пора, мол, на войну собираться.

— Нет, — говорит солдат жене, — на войну я не пойду, я свое отслужил — у меня синий билет.

Заплакала жена и сама с отцом поехала на войну, а солдат набил в трубку целую осьмушку махорки да так запыхтел, что весь царский дворец дымом заволокло. Выкурил трубку и говорит самому себе:

— Эх, если б были здесь жучок, мышка да рак! Они дали бы мне добрый совет, как короля одолеть.

И вдруг стали перед ним жучок, мышка и рак:

— Что скажешь нам, добрый солдат? Чего ты нас звал?

— Да вот хотел бы с вами посоветоваться, как короля одолеть.

— Ладно, — говорят. — Мы поможем тебе.

Мышка и рак принесли из царских кладовых меч-кладенец, а жучок полетел в чистое поле и привел коня богатырского с гривой серебряной.

Стукнул конь перед солдатом копытами и говорит:

— Влезай, Иванка, мне в правое ухо, а в левое вылезай.

Влез Иванка коню в правое ухо, а в левое вылез и стал таким богатырем-молодцем, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

— А теперь садись на меня, — говорит конь.

Сел Иванка на коня богатырского и двинулся на войну. Приезжает, видит — королевское войско побивает царское войско.

Ударил Иванка коня по бокам шпорами и ринулся в гущу королевского войска. Как махнет мечом-кладенцом, так по правую сторону войско как мякина сыплется, а по левую как солома стелется. Целый день, с утра раннего и до вечера, воевал Иванка. Разбил в пух и прах вражье войско, подлетел к королю, отрубил ему руки по самые плечи и поехал к царю.

Царь, понятно, не узнал его.

— Скажи, добрый молодец, — спрашивает царь, — кто ты таков, какого ты роду-звания?

Ничего солдат ему не ответил.

— Чем же тебя наградить за твою храбрость?

— Ничего мне не надо, — говорит солдат, — дай мне только свой царский платочек на память.

Дал ему царь свой платочек.

Приезжает Иванка в сад, влез коню в левое ухо, в правое вылез и стал таким, как был. Пустил коня на волю, а сам пошел в свою хату.

Воротился царь с дочкой с войны. Всюду в трубы трубят, пляшут, поют — такая у всех радость!

Приходит царская дочка к солдату Иванке.

— Эх, — говорит, — напрасно ты не поехал с нами! Хоть бы поглядел, что там было: сколько войска, а пушек сколько!.. Да не одолеть бы нам короля, если б не один отважный рыцарь. Как налетел он — все королевское войско разбил в пух и прах и самому королю руки отрубил по самые плечи. А кто он — неведомо. Вот был бы мой муж таким! А то вот не повезло мне бедной. Не муж у меня, а растяпа!

— Ты, женка, меня не брани, а скорей неси солдатских харчей да махорки, — говорит Иванка.

Принесла жена харчей и махорки. Ест солдат свои харчи, курит махорку.

Вылечился тот безрукий король и опять объявил, что идет-де войной на царя и его дочку. Да не один, а с двумя другими королями вместе.

Собирается царь на войну, посылает дочку за мужем.

— Ах, — говорит она, — муженек ты мой любезный, опять идет на наше царство войско великое, и ведут его три короля. А батюшка мой уже стар — воевать не в силах. Не поедешь ли ты вместо него?

— Куда мне ехать, — говорит солдат, — я уже свое отвоевал.

— А если они землю нашу завоюют, то что нам тогда делать?

— Не завоюют! Тот храбрый рыцарь поможет вам.

— А мы ведь не знаем, кто он и где искать его...

— Ничего, он и сам вас найдет.

Заплакала жена и поехала вместе со стариком отцом на войну. А солдат съел все харчи, выкурил всю махорку да и говорит самому себе:

— Вот если б были здесь теперь мои помощники — жучок, мышка и рак!

Только он это вымолвил, как явились вмиг перед ним жучок, мышка и рак.

— Что скажешь нам, добрый солдат?

— Да вот хочу с вами посоветоваться, как троих королей одолеть.

— Ладно, — говорят ему помощники. — Мы поможем тебе.

Притащили мышка и рак из царских кладовых новый, втрое больший меч-кладенец, а жук полетел в чистое поле, на зеленые луга и привел оттуда нового коня богатырского с золотою гривой.

Топнул конь копытом перед солдатом и говорит:

— Влезай, Иванка, мне в правое ухо, а в левое вылезай.

Влез Иванка коню в правое ухо, в левое вылез и стал таким богатырем-молодцем, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

— А теперь, — говорит конь, — садись на меня, поедем королевское войско разбивать.

Сел Иванка на коня богатырского и поехал на войну.

Приезжает, а там солдаты королевские окружили царя с дочкой и кричат им, чтобы в плен сдавались.

Тут как врезался Иванка во вражье войско, как начал бить его... Направо махнет, как мякина войско сыплется, махнет налево — как солома стелется. Кого сам рубит, а кого конь копытом топчет...

Три дня и три ночи воевал Иванка. Разбил вправ все вражье войско, потом подлетел к безрукому королю, отрубил ему и голову.

— Уж теперь тебе, поганец, не ступать больше на землю нашу! — говорит Иванка.

А два других короля еле живые бежали.

Подъехал Иванка к царскому шатру. Царь с радостью встретил его.

— Кто ты таков? — спрашивает. — Какого ты роду-звания?

Ничего не ответил Иванка.

— Чем же мне тебя наградить, храбрый рыцарь?

— Ничего мне, — говорит, — не надо, дай мне только на память золотой перстенек твоей дочки.

Очень понравился царской дочке рыцарь: она и отдала ему свой золотой перстенек.

Сел Иванка на коня, только его и видели. Приехал домой усталый, не смог даже влезть коню в левое ухо, а в правое вылезть, как сноп повалился на траву и уснул богатырским сном.

Спит он сутки, спит вторые, а конь пасется в саду, ведь хозяин-то не успел его от себя отпустить.

На третьи сутки вернулся царь с войны.

Пошел пир горой по всей столице! Музыка играет, народ веселится.

Вышла царская дочь в сад к своему мужу. «Он, видно, там с голоду уже помер», — думает она.

Входит в хату, смотрит — никого нету. Она туда-сюда, вдруг видит: в саду золотогривый конь пасется, а рядом с ним пригожий рыцарь спит.

Подошла царевна к рыцарю и заметила у него на руке свой золотой перстенек, а из кармана уголок отцовского платочка торчит...

Разбудила царевна рыцаря.

— Кто ты такой, славный рыцарь? — спрашивает.

— Как кто! Муж твой, солдат Иванка! — отвечает рыцарь.

Обрадовалась царевна, что такой красивый сделался ее муж, взяла она его за руку, повела к отцу.

— Вот, — говорит, — батюшка, кто нас из беды вызволил, — муж мой, солдат Иванка!

И показала отцу свой золотой перстенек и с его меткою царский платочек.

Ну, Иванка не стал больше влезать богатырскому коню в левое ухо, а так и остался славным богатырем.

Говорят, живет он и теперь.

ПЕРЕУЧИЛ

Греясь у открытой печки, наставлял учитель детей:

— Никогда не говорите, не подумав. Лучше всего считайте про себя до полсотни, а в это время подумайте, что вы хотите сказать.

Только закончил учитель свое поучение, как все ученики загудели разом: «Раз, два, три, четыре...» И так до полсотни. А потом как закричат:

— Пан учитель! У вас штаны горят!

— Ах-ах! — схватился за голову учитель. — Что ж вы мне раньше-то не сказали?

— Да мы до полсотни считали...

ПРИПРАВА К МЯСУ

Едет по дороге мужик. А навстречу ему пан:

— Куда, мужик, едешь?

— В город.

— Зачем?

— Купить к мясу приправу.

— И дурак же ты, мужик: какая же может быть к мясу приправа?

— Э, пане, ведь всякий дурак знает, что без соли-то и мясо невкусное.

Скривился пан, ровно мыла наелся, и поехал своей дорогой.

СОДЕРЖАНИЕ

Составнтель Г. А. Балкнна
Художник В. В. Иванов
Технческнй редактор Л. Н. Харчевннкова

Сдано в набор 28.07.92 г.
Подпнсаио в печать 23.09.92 г.
Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная.
Гарннтура тнп Таймс. Усл. печ. л. 5,0.
Тираж 100 000 экз. Зак. № 2238.

Набраио и отпечатаио в 3-й типографнн УВИ

